

18+

Елена Соколова

**Я тебя
никому
не отдам**

Елена Соколова

Я тебя никому не отдам

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73434138

ISBN 9785006776555

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Это вторая часть романа «Сказки города Н.», опубликованного ранее одной книгой. Детские поиски сокровищ, увы, безуспешны. Их участники взрослеют, их дороги расходятся, но спустя 20 лет судьба вновь сталкивает их, и оказывается, что жемчужина, которую они считали мифом, все же существует. Они пройдут по самой «кромке зла»; им придется выбрать – с кем оставаться и как жить; и узнать, что путь к заветной мечте всегда открывается в тот миг, когда кажется что счастливых дорог более не существует...

Содержание

Я ТЕБЯ НИКОМУ НЕ ОТДАМ	5
1. Ираида, Лида. Смерть Светланы	5
2. Завещание Светланы	36
3. Ири и Аля. История сестёр	52
4. Заговорщицы. 1 января. Зоя, Глаша, Алевтина	71
5. Лида и Марк. 2 января. носки и судьбы	88
6. Вечер в ресторане. Всё ещё 2 января	108
7. Переговоры. Марк и Лида. 3 января	132
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Я тебя никому не отдам

Елена Соколова

Редактор Белисса Бурова

Корректор Наталия Соколова

Фотограф Фото на обложке – фото, апрель 2014 Соколова Елена

© Елена Соколова, 2026

© Фото на обложке – фото, апрель 2014 Соколова Елена, фотографии, 2026

ISBN 978-5-0067-7655-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я ТЕБЯ НИКОМУ НЕ ОТДАМ

(«Сказки города Н.», часть вторая)

*Все персонажи и события в этой книге —
чистейший авторский вымысел.*

*Все совпадения – не более чем совпадения,
они произвольны и носят совершенно
случайный характер.*

С уважением.

Е.С.

*...РУКА БОГА, НЕСУЩАЯ СПАСЕНИЕ,
ВСЕГДА ТЯЖЕЛА...*

1. Ираида, Лида. Смерть Светланы

Лида никогда не страдала паранойей, но в последние полчаса могла бы поклясться всем, включая свою бессмертную душу, что за ней упорно следят – прямо здесь, в этом ничем не примечательном магазине на окраине, где не было, собственно, ничего интересного, кроме продуктов да припозднившихся покупателей. Основная часть горожан давно затарилась продуктами, настрогала закусок и салатов, понакрывала праздничные столы и расселась, принаряженная, в ожидании вечерних новостей. Лида же, поскольку жила

одна и подруг особо не имела, все последние дни пропадала на работе, торопясь с отчетами и подготовкой к школьным каникулам. Научная часть музея уходила на выходные вместе со всей страной, но его выставочная часть начинала функционировать с удвоенной силой. Так что нужно было всё почистить, запасники проветрить-разобрать, и собрать из их содержимого пару-тройку экспозиций, пусть небольших по числу выставленных предметов, но привлекательных по содержанию и разнообразных по тематике.

За эти дни Лида устала, как вол в весеннюю пахоту; она перестала готовить дома, ограничиваясь перекусами на скорую руку, чем Бог пошлёт. А он посылал исключительно полуфабрикаты, которые она покупала рядом с работой, чтобы не тратить время на походы в супермаркет у дома и на кулинарные изыски, коими, в нынешних условиях, были для неё даже такие простые блюда как бульон или пюре с котлетами. И поэтому сегодня, тридцать первого декабря, в половину третьего дня, она упрямо таскала за собой продуктовую тележку вдоль стеллажей с едой, пытаясь понять, чем же себя побаловать. Идея приготовить что-нибудь, погнавшая её в магазин, постепенно прятала голову и тихо уползала на задний план, по мере того как руки Лиды автоматически накидывали в тележку всё новые порции консервов и привычных уже полуфабрикатов: банка оливок, зелёный салат, мидии в масле с травами, упаковка замороженных кордон-блю, баночка икры...

Она подумала и добавила в тележку кукурузу, солёные грибы и упаковку мясистых, снежно-белых шампиньонов, очень крупных, из тех, что обычно кладут в салаты сырыми и в этом их главная изюминка. Потом упаковку помидоров черри (ура, не надо резать, только помыть – прямо в этом пластиковом стакане, а потом его обернуть в салфетку и так на стол и поставить), и ещё салфетки, и небольшой кругляш сыра «Бри». Дошла до рядов с вином и кондитеркой, выбрала себе тортик с меренгами и шампанское. Долгая командировка и проживание за счёт пригласившей стороны изрядно сэкономили ей денег и даже понесённые недавно расходы не сильно ударили по кошельку. Она была готова порадовать себя чем-нибудь ещё, но понимая, что нести это до дома придется на своём горбу – не такси же вызывать! – решилась, наконец, признаться, что и так набрала лишку. Следовало взять на десерт каких-нибудь фруктов, и хватит. «Мандарины, – подумала Лида, – там были, в одном из ящиков, мелкие, тонкокожие. Пойду, возьму».

Спина и затылок уже просто горели. Кто-то сверлил её разъярённым взглядом. Она не оборачивалась – ещё не хватало! Взяла мандарины и пошла в сторону касс. Все четыре работали, и очередей к ним не было. Она начала выкладывать продукты на ленту, кто-то подошел и остановился у неё за спиной. Лида скосила взгляд – рядом стояла тётка лет пятидесяти, в толстой искусственной шубе почти до пят, в платке, завязанном как у русских крестьянок на картинах.

От тётки несло потом и каким-то маслом, то ли лампадным, то ли машинным. Лида постаралась дышать неглубоко. «Потерплю, – подумала она. – Ещё минут пять – и выйду отсюда на все четыре стороны». Тут тётка повернулась к ней лицом, их взгляды встретились.

– Чё, сёдня одна? – прошипела незнакомка.

И тут Лида узнала её. Эти маленькие глазки, эти толстые щёки. Это была та, с девочкой в тележке! Та самая, которая заявила, что у её дочери абсолютно чистые сандалии, и она имеет полное право сидеть обутая в них, с ногами внутри корзины для продуктов. Про что это она сейчас? Ах, да! Это же в тот день она познакомилась со Светой, они вместе стояли в очереди в кассу, кажется, даже в эту самую! Ярость накрыла её.

– Я смотрю, и вы в одиночестве, – парировала она. – Что, девочка выросла, в тележку не вмещается? Или зимой на самокате – не комильфо? Поддувает?

Кассир рассмеялась, и тут Лида поняла, что не только касса, но и кассир – та же самая. Они улыбнулись друг другу и переглянулись понимающе. Девушка протянула ей чек и сдачу, Лида отошла в сторону и начала быстро-быстро перекладывать продукты. Настроение испортилось. К счастью, злобная тётка занялась обчётом и оплатой целой горы еды в своей тележке и ей стало не до препирательств.

«Слава Богу! – мелькнуло у Лиды. – Ещё пара минут, и я исчезну, пока она тут будет ковыряться». Ей осталось только

забрать мандарины – и она свободна.

Не тут-то было. Незнакомка увидела, что Лида вот-вот уйдёт, толкнула свою тележку, та ударила в бок Лидиной – дама явно лезла на скандал. Кассир попыталась её отвлечь каким-то вопросом, но внезапно Лида, уже собравшая всё в пакеты, рванула купленную сетку с мандаринами и вывернула её на теткин продукты, лежавшие в металлическом лотке-приёмнике кассы.

– Держи, вам с дочкой подарок с того света, от мёртвой Светы! – рявкнула она и стремительно прошагала к выходу, там подхватила из своей тележки в руки две сумки, бедром отправила проволочное сооружение катиться в сторону скопления ему подобных – и была такова.

Вслед полетели крики и ругань, но сошедшиеся у неё за спиной стеклянные двери обрубили звук. Лида перебежала проспект, быстрым шагом дошла до дома и повернула за угол.

«Здравствуй, дедушка Мороз, – мрачно подумала она. – Что это я, в самом деле? Нервы сдали? Девочка-то тут причём? Что это со мной?»

«Ты просто устала, – сказала бы ей баба Люся. – Отдыхать надо чаще. И не винить себя во всём подряд. Особенно в смерти Светы. Ты не виновата. Ты не опоздала. Ты вообще ничего не знала. Просто совпало. Не казни себя».

Но Лида и так всё время говорила себе это. С самого первого дня своего возвращения из командировки. Не по-

могало, или помогало ненадолго. Наверное потому, что история Светы не была доведена до конца. Похороны состоялись, но дела не были закончены – они были ещё впереди. И конечно потому, что сегодня был Новый Год. А Лида, как всегда, была одна. Баба Люся уехала в Москву к родственникам, единственная же приятельница Лиды, которая могла составить ей компанию за праздничным столом – её бывшая одноклассница – переругалась с ней вдребезги после возвращения Лиды из командировки. Лида никак не могла взять в толк – какая муха её укусила? Ну, уехала почти на год – и что? Ну да, не вязала, не шила, заказы не брала – ну и что? Она, Лида, и потеряла на этом, Тома-то здесь при чём? И недовольство клиентов Томой – так разве она виновата, что мастер уехал за тридевять земель и не работает? Мастер мог вообще помереть за этот год. Найдут себе другого.

Мысль, что Тома бесится из-за Лиды, которая своим долгим отъездом лишила её прибыльного и непильного бизнеса, где Тома выдавала себя за неё, то бишь, за мастерицу и, передавая ей, Лиде, заказы за, грубо говоря, три копейки, потом продавала их за все три, а то и тридцать три рубля – эта мысль даже не приходила Лиде в голову. Когда Тома устроила истерику, Лида долго, молча слушала, потом встала, написала на листочке бумажки «пошла на xxx», причём в написанном тексте были не крестики, а именно «точный адрес», положила перед Томой и ушла. Больше они не виделись. То-

ма попыталась звонить с извинениями, но Лида, повторив дословно то, было написано ею в тот раз на листке, оборвала общение полностью и насовсем.

Придя домой, Лида разложила продукты, и, прежде чем начать собирать на стол, решила пробежаться по квартире с тряпкой. Вытирая пыль на столе, она задела «мышку», экран вспыхнул, и она вдруг сообразила, что надо бы поздравить народ – вот хоть коллегам из других городов написать. Они сегодня, разумеется, уже не то, что читать, а даже и смотреть, скорее всего, не станут, ну и ладно, прочтут потом, всё равно же приятно – кто-то вспомнил, поздравил. Она отнесла тряпку в ванную комнату и вернулась к компьютеру. «Сделаю сейчас, – подумала она, – потом забуду ведь. Остальное позже приберу, а не приберу – и прах с ним. Сделаю завтра, послезавтра – какая, к чёрту, разница?»

Лида открыла почту. Набросала текст, прикрепила какую-то картинку, тут же вытащенную из интернета, накидала в нужное поле адресов и нажала «отправить». Открыла папку с входящими – и наткнулась на письмо от родственницы Светланы, той, что так неожиданно, как когда-то и сама Света, ворвалась в Лидину жизнь, нарушив её ровное течение и заставив Лиду принять на себя обязанности, которых та не хотела для себя и никогда не пожелала бы другим. Родственница поздравляла, и напоминала, что тридцатого, через месяц, она вступает в права наследования, и возмож-

но даже приедет, но если нет, то Лида знает, что делать, они не раз уже это обсуждали; и что она, Таисия Венедиктовна, в очередной раз предлагает Лиде присмотреться к дому Светы и если он ей всё-таки не подходит, то как-то активизироваться и помочь продать его. Потому что как бы она, Таисия, ни хотела, она всё равно не сможет приехать в Н. и заняться его продажей; ведь дать объявление – это одна десятая дела, дом надо показывать, к нему надо возить возможных покупателей, его надо будет прибрать после зимы, отмыть, проветрить. Она, Таисия, никак не может заниматься этим, в то время как ей, Лиде, это было бы не в пример удобнее. Она людей знает, у неё куча знакомых в Н., она, так сказать, в гуще событий; и самое главное, она всё время там, она совсем рядом и может в любое время дать справку или съездить показать дом. Чего же лучше?

Между строк так и читалось – купи домик, а потом, глядишь, сложится – так и продашь его, ещё дороже. Тебе же выгодно! Ну, купи, ну что тебе стоит?

Лида разозлилась. «Не буду отвечать, – мелькнуло у неё. – Обойдётся!»

Но ей тут же стало стыдно. Ладно, займусь. После Нового года. После праздников, поближе к марту. Сейчас там всё равно или снег, или грязь непролазная.

В дверь позвонили. Лида чертыхнулась и пошла открывать. На пороге стояла Ираида Львовна, в тяжёлом атласном халате, длинном, с опушкой по рукавам и воротнику –

и где только выкопала такой? Ноги вдеты в нарядные туфельки на каблуке, их золочёные носы выглядывали из-под краёв халата. Седые волосы, обычно прибранные в простой пучок, в этот раз были уложены в причёску, скреплённую непомерным количеством лака; пах он одуряюще и капельки его висели между волосинами, как микроскопические ёлочные шарики. А он, похоже, был ещё и с блёстками, потому что в свете лестничных ламп накаливания, волосы престарелой модницы чуть ли не огнями переливались. Лида подавила смешок. Ираида Львовна обиженно поджала губы, намазюканные тёмно-алой помадой. Лида вздохнула. Это выглядело уже не смешно; если прическа и шлафрок были ещё способны внушить некую симпатию, то лицом вполне можно было детей пугать. Ираида очень сдала за эти полгода – походка стала тяжёлой, морщины глубже, голос глуше. Лицо приобрело черты резкие, потемнело, кожа обвисла складками. Она вдруг начала краситься – не к месту и не ко времени, а в праздники и вовсе давала себе волю, нанося вечерний макияж с яркими помадами, чернением бровей и рисованием «смоки айз»¹. Последние, в комплекте с глубокими морщинами и отёками под глазами, выглядели как большущие синяки и придавали лицу вид почти утрашающий. Довершалось это парой килограммов пудры «Теат-

¹ Один из самых популярных макияжей. Придает взгляду глубину и выразительность, выполняется в глубоких коричнево-чёрно-серых тонах, считается вечерним (smokey eyes – в переводе «дымчатые глаза»).

ральная», сохранившейся у Ираиды Львовны, вероятно, ещё со времен молодости, и литром духов, тоже, видимо, из числа советских² заначек. Хотя тут Ираиде надо было отдать должное – парфюмы у неё были классные. Редкие, коллекционные, и все, как на подбор, изумительной сохранности. В одной из комнат у неё стоял тяжёлый шкаф с решётчатыми стеклянными створками, весь уставленный флаконами и флакончиками, в коробках и без оных. Она могла рассказывать о них часами. Эта её страсть и знания в этой области были, пожалуй, одним из немногих её достоинств. «Если не единственным», – добавляли обычно те, кто её не любил, и кто от неё пострадал.

Самым большим недостатком Ираиды Львовны было её безграничное высокомерие и почитание себя существом избранным, безупречным, и, следовательно, безгрешным. Мир должен был ей всё, а она ему ничего, по определению. И даже такое банальное, в сущности, явление, как замужество, в её случае разрасталось до масштабов почти вселенских.

Она гордилась им безмерно, просто даже самим фактом его существования, словно это было не простое, привычное для человечества дело, а некий подвиг, на который способны единицы. И у всех остальных брак был неправильным – с браком, если так можно выразиться, такой, знаете ли, с душком, некондиция. А вот у неё брак был – как в Кане Галилейской, где Иисус воду в вино претворял, хотя, если гово-

² советских – времён СССР.

ритель по совести, ничего выдающегося в её браке, разумеется, не было, да и быть не могло. Муж её, Пётр Иванович, был записным подкаблучником, права голоса не имел, его бессильный гнев на жену дозволялся и контролировался ею же, но слова «наша семья» произносились Ираидой Львовной так, будто семья их была чуть ли не в свойстве с какой-нибудь монархией, или словно все остальные вокруг жили в бессемейственности, свальным грехом, а они, единственные, следовали праведности и закону. Драмкружок «для тех, кому за пятьдесят», куда она, под руку с Петром Ивановичем отправлялась неукоснительно каждую неделю по средам и пятницам, обсуждался ею с придыханием, а выходы на сцену в местном ДК на Рождество и Пасху, приравнивались едва ли не к премьерам в столичных театрах. Она специально выискивала пьесы, где были роли, которые удовлетворяли её высокомерию, и не отступалась, пока их не принимали в работу. А если Светлана, занятая написанием очередного музыкального очерка, бралась переслушивать записи старых опер, с участием легендарных Розы Понселле или Марии Канильи³ – весь следующий день Ираида Львовна напевала запомнимшиеся ей крошечные кусочки своим высоким металлическим голосом – придушенным и неверным. Легкие её были надорваны за годы работы в интернате, и потому гром-

³ Роза Понселле (1897—1981) – американская оперная певица, итальянка по происхождению, одна из величайших драматических сопрано 20—21 веков. Мария Канилья (1905—1979) всемирно известная итальянская оперная певица (драматическое сопрано), педагог.

ко петь она не могла, за что соседи были ей очень благодарны.

Другой гадкой чертой Ираиды Львовны была её мстительность. Она называла это – воздать должное. Причём воздавала она только тогда, когда точно знала, что либо есть на кого свалить, либо некому поймать её за руку. И всегда идеально выбирала жертву. Она никогда не перечила и не пакостила тем, за кого было кому заступиться. Физического насилия она боялась панически, муж её был существом забитым и мог разве что покричать – да что вы, да куда вы, что вы себе позволяете! Но всерьёз противостоять был неспособен, и потому надувал щеки, как и жена, только перед беззащитными.

Только им обоим можно было шуметь, стучать, делать ремонт в неурочное время, слушать телик по ночам, грохотать сковородками и включать радио на полную мощность, уйдя из дома на целый день – просто потому, что какие-то идиоты в соседнем подъезде устроили накануне гулянку на всю ночь. Соображения о том, как будут чувствовать себя те из соседей, кто, как на грех, остался дома, или те, кому некуда пойти, или те, кто не в состоянии даже выйти на улицу – в силу, например, болезни, – то есть, все те, кто тоже не спал всю ночь, а теперь будет лишён ещё и шанса выспаться днём – все эти соображения Ираиду Львовну совершенно не волновали. Её праведный гнев требовал утolenия, и она бестрепетно включила радиовещание, выставила максимальный уровень

звука, и ушла в девять утра из дома вместе с мужем – до девяти вечера. Соседи были на ушах, никто не понимал, у кого происходит этот кошмар и как это прекратить. Раскрылся же этот секрет Светлане: она как раз сидела у окна кухни и увидела супругов, возвращающихся домой, как всегда, под ручку. Пока они поднимались, она, одуревшая, полуоглохшая, в бессильных слезах, ещё и посочувствовала им – вот бедолаги, ночь не спали, весь день где-то ходили, пришли уставшие, им бы отдохнуть, а тут стены дрожат от радиовоплей. И пришла в полный шок, когда услышала, как хлопнула с характерным, хорошо знакомым ей металлическим лязгом дверь, простучали шаги (коврики не заглушали звуки, просто смягчали слегка), и... грохот стих, как отрезало.

– Знаешь, – сказала она потом Лиде, – меня ужас обуял тогда. Представляешь, с каким хладнокровием она принесла в жертву всех, просто ради того, чтобы отомстить кому-то одному, причём неизвестно даже кому. Просто кинула атомную бомбу через плечо – и пошла, гордая и довольная.

Самое отвратительное в этой истории было ещё впереди: через несколько дней стало известно, в какой конкретно квартире гуляла веселая компания, равно как и то, что месь Ираиды Львовны так и не достигла цели – гости проснулись засветло и уехали около восьми утра вместе с хозяевами за час до начала радиокошмара. Получалось, что Ираида Львовна наказала всех, кроме тех, кого действительно стоило наказать. Когда её упрекнули, она даже не смути-

лась. Не пойман – не вор, она здесь не при чём, это не я, мы – приличная семья, в нашем доме это не принято, мы на такое не способны. Она была высокомерна и велеречива, осанка и поджатый рот были исполнены презрения. Ей ответили: «Вас вычислили». Объяснили – кто и как, и и ненависть вспыхнула в ней пожаром. Случилось наиредчайшее: её поймали на «горячем», и у неё не вышло перевести с себя стрелки. В первый раз соседи увидели её истинное лицо, её добропорядочность дала трещину, а безупречная репутация оказалась поставлена под угрозу. Дерзкую девчонку следовало растоптать, уничтожить – и от намерений Ираида Львовна незамедлительно перешла к действиям. Света терпела, сколько могла, а потом не выдержала – пожаловалась Лиде. И Лида не подвела, учинив тот самый скандал – с угрозами выкинуть телевизор за окно и вызвать участкового.

После скандала Ираида Львовна притихла. Приход участкового был страшен ей не столько штрафами, сколько позором. И он действительно пришел бы – вот где была проблема. Ведь быть обязанным прийти и прийти в реальности – разные вещи. «Должен сделать» и «сделал» – не всегда равны между собой, это Ираида знала прекрасно. С ней самой не столь давно случилось нечто в таком роде. Врач предписал ей сделать анализы, а ей на один из них было никак не записаться. Ну, не везло ей! И когда, совсем в другом кабинете, у совсем другого врача, ей сделали замечание: почему, мол, она до сих пор не удосужилась провериться? – тогда она

в ярости заорала, что она-то хоть сейчас, у неё и направление есть, но к этому врачу, который должен дать, в свою очередь, направление на анализ, к нему она уже неделю записаться не может никакими силами. Величавая брюнетка с косой, тщательно уложенной вокруг головы, выхватила направление у неё из пальцев и, обронив «подождите здесь», вышла из кабинета. Через десять минут она вернулась, в руках у неё было другое направление, от того самого врача, к которому не могла записаться Ираида Львовна. Направление на тот самый анализ, который был ей необходим. Она потеряла неделю, тщетно пытаясь получить его, а этой брюнетке понадобилось всего десять минут. И по большому счёту, она не сделала ничего противозаконного: она ни у кого не отняла места, никого не обездолила. Она просто помогла Ираиде Львовне наконец-то дозвониться – хотя и в несколько иной форме. Так что чьих-то стонов никто не слышал, а чьи-то достигали нужных ушей – тут всё зависело от случая и обстоятельств. В истории с телевизором случай и обстоятельства были не на стороне Ираиды Львовны, и она прекрасно знала, что посоветует ей Сергей Афанасьевич, если зайдет разговор про «я не слышу». Он посоветует ей слуховой аппарат. Потому что и ей, и мужу – как пенсионерам – были положены эти самые слуховые аппараты, по направлению от ЛОРа, причём бесплатно. И Сергей Афанасьевич, возможно, даже решит помочь им с получением, во всяком случае, он вполне может заявить – если, мол, будут водить за нос или сопротив-

ляться, позвоните мне, я посодействую. И тут уже не поелозишь. Плюс, она очень хорошо понимала, что к этой истории может подключиться и Николай, которого может попросить о помощи Лида, потому что с Николаем у Ираиды Львовны уже была стычка, когда его жилец устроил скандал из-за громкого радиоприёмника на кухне. Он кричал, что с часу до трёх – время тишины, это прописано в законе. Что он специально приезжает домой, чтобы без суеты и гама проверить смету, отчёты и прочие рабочие моменты; что он не понимает, как можно говорить о порядочности и поступать по-свински; и что существует куча способов слушать любимую радиостанцию не мешая окружающим, особенно в наш технологичный век. И тогда Николай пришел к ним и внятно изложил все эти способы и варианты – начиная с совета отодвинуть радио от стенки, и заканчивая предложением настроить всё, что необходимо прямо в имеющихся у супругов мобильных телефонах и выдать каждому из них по паре наушников. Не Эппл, конечно, и не модный блютуз, но вполне рабочие, исправные, и он даже готов учесть пожелания касательно цвета проводов. Тогда обошлись без Сергея Афанасьевича. Николай не горел желанием с ним встречаться, но сейчас ситуация несколько изменилась, и не в лучшую для супругов сторону. Почти год Ираиде Львовне пришлось, пусть со скрежетом зубовным, но держать себя в руках. Она видела себя мученицей, страдальницей, и копила яд в надежде на реванш. Можно бесконечно рассуждать – был ли в том

высший замысел и если да, то какой, и было ли случившееся дальше просто началом медленного пришествия справедливости, но как часто бывает в плохих романах, лодка судьбы описала замысловатый вираж, и Лиде предложили командировку. Поскольку предложенное было тем, о чём она мечтала последние лет десять, Лида без колебаний дала своё согласие. Света очень старалась не показывать, что расстроена, зато Ираида Львовна приободрилась и расправила пухлые плечи.

Перед отъездом Лида зашла к Ираиде Львовне в надежде достучаться до того, чего у этой фурии не было и в помине – до сердца и совести. Она очень просила её не доставать Свету. Ираида улыбалась, не разжимая губ, и кивала, не произнося вслух ни слова. Спустившись после разговора к Светлане, Лида призналась, что не уверена, что не навредила. Потом, задним числом, Лида казнила себя, что не оставила Светлане ключи от квартиры, но ей и в голову тогда не пришло на что может оказаться способна пожилая, внешне вполне благовоспитанная дама. Надо было вообще предложить Свете переехать к ней, к Лиде, на время командировки, но она привыкла быть и жить одна, не подпуская близко никого. Она так дорожила тишиной и покоем своей квартиры, тем особым уютом, который появляется, когда дом становится чем-то вроде слепка своего владельца, идеально соответствуя лишь ему одному, что добровольно поселить кого-то у себя, да ещё и в своё отсутствие – было для неё де-

лом практически невыносимым. Ей эта возможность – увы! – даже в голову не пришла, и она, обняв Свету на прощание, уехала.

Только один день Ираида Львовна подарила Светлане, дав той насладиться тишиной, а потом началось. В ход было пущено всё. Петру Ивановичу сгоряча хотели даже повелеть вертеть дырки в стенах в девять утра, но тут он взъерепенился и заявил, что против категорически, что он и так почти не встает с кровати, а если она его будет и дальше мучить, и заставлять делать такие глупости, он уйдёт из дома. «Нужды нет, что некуда, под забором, – кричал, – замерзну, а уйду, только чтобы тебя не видеть». Ираида Львовна отступила.

Впрочем, муж недолго сопротивлялся ей, человек он был слабый, истеричный, и скоро не выдержал – скончался в одну из ветреных ночей конца ноября, когда дует сырой пронизывающий ветер, и чёрная тьма наползает на город с моря. Железная воля супруги dokonала его первого. Всю осень они ругались страшно, он кричал на неё; Светлана перебежала из одной комнаты в другую, чтобы не слышать их ссор. Дело было не столько в громких разговорах – ей просто было ужасно неловко. Грязное семейное бельё вытряхивалось безжалостно, и – боже ты мой! – сколько же его накопилось за тридцать с лишним лет их брака! И ещё Светлане было невероятно жаль Петра Ивановича: он кричал, топал ногами, взывал к совести и к долгу жены, к нормам морали – всё было бесполезно. Ираида Львовна была неколебима. Она

пропускала его крики мимо ушей, разговаривая с ним, как когда-то со своими учениками – не повышая голоса, невозмутимо, размеренно и отчётливо выговаривая каждое слово. И только когда он совсем слетал с катушек, она добавляла в голос укоризны и произносила «Ах, Петя, Петя! Ну как же тебе не стыдно!». И сочувственно – надо полагать! – замолкала.

Крыть было нечем. Оставалось терпеть. И он терпел – вместе со Светланой. Терпел скрежет кресел по полу, который и ему был как нож острый, и оглушительный грохот металлической двери об косяк при походах в магазин – ой, опять не удержала, прости! И сами эти походы в магазин, как на работу, и всё ради того, чтобы громко хлопнуть дверью в первую половину дня, ибо всем быстро стало известно, что Светлана предпочитает работать по ночам. Терпел ежеутреннее – и как ей не надоест! – открывание всех и всяческих ящиков и ящичков во всех трёх, разбросанных по комнатам, комодах, как раз где-то интервале с семи до девяти утра, в период самого сладкого сна. Ещё воспитательная программа Ираиды Львовны включала демонстративное обязательно-громкое прослушивание радионовостей: с часу до трёх, из приемника, максимально плотно придвинутого к стене кухни, чтобы лучше и чётче проходил звук, который, как известно, всегда идёт вниз. И наконец, просмотр кино в спальне, вечером, после половины десятого – два часа, в последний из которых телевизор включался на полную громкость.

Это делалось специально, расчёт был на то, что никто из соседей не пойдёт после одиннадцати проверять, где и почему такой грохот. Лида, единственная, кого Светлана могла позвать на помощь, была в отъезде.

При всём постоянстве этой травли, шумы могли менять время, место и источник появления, и оттого они всегда падали на Свету, как снег на голову, а неизбежное их постоянство заключалось лишь в том, что они были всегда – в той или иной форме. Светлане пришлось изменить своим привычкам и начать обживать втайне от Николая и балконные комнаты, но кажется, Ираида Львовна сообразила это, потому что скоро и там начало происходить то же самое.

Небольшой перерыв случился, когда умер Пётр Иванович. Его смерть стала полной неожиданностью для всех, и прежде всего, для самой Ираиды Львовны. Она была как оглушённая, казалось, она просто никак не может в это поверить. И ещё казалось, что она воспринимает это как некий подвох, причем не со стороны судьбы, а со стороны своего умершего мужа. Она так себя вела – и на кладбище, и на поминках, – как будто он умер специально, только чтобы досадить ей, как будто давно готовился и собирался, и вот, наконец, получил свой шанс. Светлана даже вообразила, что может быть, теперь станет тише, но Ираида Львовна дождалась марта и затеяла ремонт: в коридоре, на кухне, и в комнате рядом с кухней. Маленькая комнатка была любимой у Светы: возможно, поэтому её и решили освежить. Основательность

переделок приводила на ум мысль о том, что Ираида Львовна вознамерилась стереть чуть ли не саму память о внезапно бросившем её супруге. Она затеяла смену проводки, мастеров нашла не за дорого, те подхалтуривали где-то ещё и поэтому приходили рано – в девять утра. До двенадцати-часу они крушили перфоратором стены, а после уходили, давая оперативный простор сводкам радионовостей. Приходили после четырёх и вновь грохотали – до восьми вечера. После девяти – включался телевизор: Ираида Львовна должна была обязательно отдохнуть и посмотреть сериал.

В этом аду ещё можно было как-то жить – но работать, а тем более писать очерки о музыке было невозможно. Торопливые рабочие сверлили стены длинными очередями; Светлану, с её мерцательной аритмией, уносило от этого, сердце сбивалось, всё плыло перед глазами, кружилась голова, перехватывало дыхание, начинались панические атаки. Руки немели, её трясло, она глотала таблетки и сворачивалась комочком на диване, то в одной, то в другой комнате, наваливая на голову подушки. Она купила беруши, но они не помогали, она надевала огромные наушники, подсовывала под них тряпки, включала музыку и так ходила по дому. Робкие попытки достучаться до мастеров жёстко пресекались Ираидой Львовной. «Глупости, – говорила она. – Это не связано никак, она просто выдумывает. Истеричная девица, требует тишины. Пусть купит себе дом в лесу и переезжает. Здесь – многоквартирный дом, здесь общество,

а не её личный двор». И добавляла – «Какое-такое сердце, ей тридцати, кажется, ещё нет, какое в её возрасте сердце? Это смешно!» А рабочие не вникали, им хотелось поскорее закончить, им нужны были деньги, а впереди рисовалась парочка халтур, которые нежелательно было упускать.

Николаю Светлана жаловаться не хотела, Лиды не было, некому было ни выслушать её, ни помочь. Работа шла под откос, она опаздывала со статьями, ей задерживали оплату. Надо было искать другое жильё. Она медлила – привыкла здесь. Цена была божеской, место – тихим, и впервые за много лет рядом появился человек, которому она не была вовсе безразлична, дружба с которым была важна для неё. Ей было уже давно не тридцать, ей было уже за сорок, просто выглядела она совсем по-девичьи. Фигура почти мальчишеская, и не красилась она совсем, иногда только блеск для губ или помада бесцветная. Ни туши, ни теней, ни пудры не употребляла, лаки, укладки, длинные ногти – всё это было не про неё. От этого кожа была хороша, ровная, гладкая, почти без морщинок, но, тем не менее, годы и запущенные болячки брали своё. Измученное аритмией сердце болело всё чаще и сильнее. Застарелые страхи по ночам наваливались на плечи, дышали в шею. Ощущение брошенности, никчёмности снова запутывало её в свой кокон. Несколько легче стало, когда наступило лето, можно было уйти от всего этого грохота на улицу. Она брала с собой ноутбук, пыталась писать там, но работалось плохо. Было не сосредоточиться, всё от-

влекало, и она всё равно не высыпалась. А хуже всего было понимание того, что неизвестно когда кончится этот ужас, и ещё хуже – ощущение ненависти, животной, чужой, висящей над ней словно грозовая туча.

Всё закончилось в одну из июльских ночей, когда ремонт был почти на исходе. Если бы Света знала об этом, если бы хоть кто-нибудь сказал ей – та же сплетница Валентина, которая знала, но, увы, не встретила её в этот день ни разу, хотя раньше сталкивались на лестнице постоянно; если бы Света знала – она бы дотерпела, она помнила, что Лида вот-вот должна вернуться, это её и держало, от этого она и не хотела искать что-то другое и переезжать. Если бы она только знала! Ведь самое страшное не боль, а ожидание её; страшен не удар, страшна неизвестность. Если бы ей сказали – надо потерпеть месяц, два, три, полгода – она бы терпела. Если бы предупреждали – завтра будет громко тогда-то и тогда-то, будет очень громко, и так два месяца, и – всё. Она бы терпела. Она бы знала. В наши дни никто не говорит таких вещей. Считается, что, мол, унижительно. Типа, отчитываюсь, а с чего я должен, моя квартира – что хочу, то и ворочу. Квартира-то твоя, да воздух общий. Тот, по которому звук передается. И если уж так ставить вопрос – так ежели это твоя квартира, то и звук, который из неё идет и тобой производится – тоже твой. Вот и заведи его к себе в квартиру – и покончим на этом. И ещё одно, кстати – твой звук наруша-

ет *мое* личное пространство, ты вынуждаешь *меня* слушать то, что я слышать не хочу, более того, ты тем самым осуществляешь насилие надо мной, причем ты никак мне это не компенсируешь. Ты, в результате своих насильственных (по отношению ко мне, в частности) действий, впоследствии получаешь выгоду и комфорт, но мне ты причиняешь вред. Ты оскорбляешь меня, не желая считаться с моими интересами, ты ранишь мой слух, мою психику, ты вынуждаешь меня менять мои привычки и режим в угоду твоим интересам и самое главное – ты никоим образом не считаешь себя за это в ответе. Ты не хочешь отвечать за свои действия. Ты не считаешь нужным предупреждать меня о своих действиях. Ты считаешь подобное позором и унижением для себя любимого, и на этом основании считаешь возможным унижать меня, ни в грош не ставя мои просьбы. Более того – и это самое возмутительное! – я даже вопросы тебе о твоих планах задавать права, как ты утверждаешь, не имею. Любой вопрос – а как долго, а что будет? – воспринимается тобою как оскорбление, как посягательство на твои права и свободу действий. Ты, ничтоже сумняшеся, во всеуслышание сообщаем, что я могу поехать в лес и там жить, если мне здесь шумно. И это – в лучшем случае. В худшем – можно нарваться на крик, мат и кулаки. А ты не думал, что и тебя можно, как минимум, послать жить в тот же лес – причём это, с учетом производимого тобой шума, будет намного более справедливо по отношению и ко мне, и к тебе, и к обществу. Живи в лесу один –

и не надо будет ни перед кем отчитываться. И открою тебе тайну, неуважаемый мною, весь из себя такой наиважнейший – более всего страдают от твоих действий те, кто беззащитен, стар и болен. То есть те, по отношению, к которым твои действия выглядят ещё более недостойными. Страдают те, кому некуда уйти по здоровью и у кого нет никого, кто мог бы дать тебе в глаз за твоё хамство и наплевательство. Ибо только силу такие, как ты, и понимают. А ведь всего-то нужно – стать хотя бы на пять минут в день человеком и повесить в подъезде объявление. И необязательно писать «уважаемые соседи», достаточно обозначить основные параметры: тогда-то, столько-то, до такого-то, там-то. И – всё! Когда человек знает, где, что и кто – ему легче. Одно сознание того, что он – при желании – может всегда прийти, позвонить, спросить, уже заменяет ему сами эти действия. Знание о процессе делает человека участником процесса. Он знает и он говорит себе: вот сейчас они это сделают, потом это и это. И потом через три месяца – всё. Или через полгода. И ему легче. Он не просто участник, он – соучастник. Он – знает!

Но Света не знала, и никто не сказал ей. В тот день жаррица была страшенной, асфальт плавился, в нём оставались буквально отпечатки ног, люди не шли по улицам, а перебежали – от дома к дому, от дерева к дереву. Они заскакивали, тяжело дыша, в магазины – не столько за покупками, сколько перевести дух. Транспорт шел пустой, мало у кого хватило мужества поместить себя в душегубку собственными рука-

ми. К вечеру полегчало, но, увы, ненадолго. Пришла ночь – и тоже не оправдала ожиданий. Воздух застыл, как стекло. Где-то гроыхало, там то ли шла гроза, то ли ещё только собиралась. Пока это было далеко, и звук был слаб, но тугие тучи висели над заливом, над линией горизонта, где волны касались неба, и эта армада в любой момент могла двинуться на город.

Когда в окно ударил первый порыв ветра, Светлана уже не помнила себя от боли и удушья. В груди пекло, и отдавало в спину и в руку. В глазах прыгали мелкие серые точки, подташнивало. Она хотела взять телефон, он выскользнул – нагнуться она не смогла. Хотела открыть окно – но не шагнула к нему, а практически упала в его сторону всем телом; уцепилась руками за подоконник, подтянула себя ближе, не очень понимая, что происходит. Ударила по раме. Безрезультатно. Подтянулась ещё, нажала на раму, окно распахнулось во всю ширь. Теперь подтянуться ещё немного, встать и хоть чуть-чуть выставить голову, будет легче. Будет легче дышать. Она дёрнулась всем телом, конвульсивно, сильно. Инерция бешеного рывка потащила её вперёд и бросила вниз. Падая, она вдруг поняла, что происходит и испугалась. До пота, до ледяной дрожи, до смерти.

И умерла.

Мгновенно.

Тело рухнуло безжизненным кулём.

Белая кожа, тонкая кружевная сорочка, тоже белая. Свет-

лые волосы. Издалека смотрелось, как будто кто-то разлил молоко по чёрной земле.... Волосы, руки, ноги – как струйки, сейчас они впитаются, и всё исчезнет.

Её нашли под утро. Гроза действительно разразилась над городом с такой силой, что все попрятались по домам и носа не высунули, пока она не унеслась прочь. Рассвет подкрался с востока и осветил тоненькую фигурку на свежевскопанной земле, где сплетница Валентина накануне собиралась высадить пару кустов мелкого белого шиповника. Почему не весной, почему теперь, когда лето на поворот к осени пошло? Она не знала. Захотелось.

– Посади жасмин, – сказала ей Лида, когда вернулась и узнала всё в подробностях. – Она жасмин любила. Он пахнет изумительно.

– Его эта звезда не любит. Говорит, ей воняет.

– Тем более посади. Не ты, так я. Пусть воняет. Так ей и надо.

– Тогда лучше ты. Я тебе дам саженец, а ты посади. Она тебя боится.

– И правильно делает. Пусть ещё больше боится. Прямо до обморока.

– Ты что, отомстить хочешь?

– Никогда этого не делаю. Для этого есть Он, – и Лида ткнула рукой вверх.

– Николай? – всполошилась Валя.

– Какой Николай? Бог! Бог для этого есть. «Мне отмще-

ние и Аз воздам». Не слышала разве?

– Ну, Бог... Он, знаешь ли, долго запрягает...

– А это смотря к кому едет. И по какому поводу.

– Думаешь, он тебе быстро ответит?

– Не знаю, Валь. Но очень надеюсь.

Злая ирония судьбы заключалась в том, что Лида вернулась из командировки ровнёхонько на следующий день после смерти Светы. Ей оставалось пробыть в Сибири ещё три или четыре месяца и она решила сделать перерыв; точнее, они с бабой Люсей решили, что ей лучше будет вернуться, взять отпуск, отдохнуть, а потом снова уехать – ещё где-нибудь на полгода. Не торопясь, доделать всё намеченное, и написать всё необходимое, будучи, так сказать, непосредственно рядом с материалом. Света не знала, да и не могла знать об этом. Лида не имела привычки делиться своими планами ни с кем, кроме Людмилы Мелентьевны, а в этот раз ещё и решилось всё в один день, в последний момент. Наличие билетов на самолёт тоже повлияло, с ними было сложно – лето, сезон, рядом Байкал, рядом Алтай, рядом Китай. Короче, не было билетов, а тут вдруг – бац, и нарисовались. А впереди маячила пора последних отпусков – август и сентябрь. Они обещали быть тёплыми и солнечными, а значит, востребованными. И значит, надо было или лететь сейчас, или совсем ничего не менять, оставить как было запланировано год назад. Лида с Людмилой Мелентьевной мгновенно сориентировались и всё переиграли.

– Это к вопросу о том, что лучше: быть маленьким начальником в большом городе или большим – в маленьком? – пошутила Лида.

– Ну, на твой вопрос ещё древние римляне ответ дали, – фыркнула баба Люся. – Не помнишь разве Цезаря: «Лучше быть первым в деревне, чем вторым в Риме»?

Лида помнила. И была полностью с Цезарем согласна.

Перед отлётом она прилегла – уже собрав вещи, убрав съёмную квартиру, подготовив всё, вплоть до ключей и носовых платков – легла и увидела сон. Ей приснилась белая фигура на чёрном фоне, она лежала неподвижно в центре огненного круга, прочерченного буквально вплотную. И Лида шла к этой фигуре. Шла торопливо, а ноги вязли в чём-то мягком; ей нужно было дойти и погасить огонь, но она не поспевала. Чем быстрее она шла, тем выше поднимались языки пламени, и всё более плотным кольцом закрывали незнакомку в центре круга. Лида побежала – пламя взлетело вверх, языки стремительно рванулись навстречу друг к другу, сомкнулись плотным куполом. Огонь злобно ревел, переливаясь синим и багровым. Лида, наконец, добежала, но всё, что ей оставалось – это стоять бессильно и слушать его голос. Она заплакала, всухую, без слёз.

«Пусти меня, – сказала она ему, – пусти меня к ней. Она там одна. Пропусти».

Пламя опало. На чёрной обугленной земле лежал белый цветок, он был похож на колокольчик, но пах сильно, как

огромный жасминовый куст.

И тут Лида вспомнила про Светлану, как та говорила, что больше всего любит именно этот цветок и его аромат. Вспомнила – и проснулась.

И разнервничалась. Позвонила Свете на мобильный. Никто не ответил. «Номер недоступен». Она разнервничалась ещё больше.

Летела, и когда предоставлялась возможность, набирала номер. Никто не отвечал.

А телефон в это время валялся около дивана, в той самой маленькой комнате рядом с кухней. У него был выключен звук, но даже если был бы включен – всё равно. Когда он выпал у Светы из рук, он упал неудачно, раскололся и отключился. Лида позвонила первый раз в тот момент, когда Светлана, уже выронив его, из последних сил подтягивала себя к окну. Сергей Афанасьевич не стал говорить об этом с Лидой. Пожалел её. Может быть, зря. Тогда, может быть, у Лиды не появилась бы мысль, что это она виновата в том, что опоздала. Если бы он сказал, она бы поняла – она ничего не могла сделать. Это была судьба. Смерть – тоже судьба. И она не всегда наказание. Иногда она спасение, освобождение, или даже счастье. Говорят, нет ничего лучше жизни. Но жизнь может быть хуже смерти. И часто бывает. Нашими собственными молитвами и нашими собственными руками. Равно как и руками ближних наших.

Ираида Львовна, безусловно, не собиралась убивать Свет-

лану. Она просто хотела объяснить дерзкой девчонке, кто есть кто. Ей всегда это удавалось. Со всеми. И она просто хотела сделать ремонт. Она имела право. Безусловно.

Но в этот раз что-то пошло не так.

Сплетница Валя готова была вывалить на Лиду всю имеющуюся у неё информация буквально с порога, но Лида пресекла её монолог на корню.

«Завтра, – сказала она ей, – жду тебя в шесть вечера. Я спать. И ты – спать».

И захлопнула дверь.

Теперь ей нужно было только время.

Нужно было как-то прийти в себя.

2. Завещание Светланы

Главным аргументом Ираиды Львовны в свою защиту было утверждение, что Светлана абсолютно здорова. Заключение патологоанатома о причинах смерти её не убедило, она стояла на том, что это просто совпадение, она даже начала утверждать, что Светлана, мол, пила, и выпала пьяной, это просто Лида подговорила медиков не поднимать шума. Но тут вмешался Сергей Афанасьевич, и популярно объяснил, что бывает за такие наветы и выдумки. Особенно в нынешние годы, когда суды спокойно принимают к производству дела о защите чести и достоинства и присуждают порой более чем серьёзные суммы за моральный ущерб. Ираида Львовна замолчала, но продолжала ходить через двор, всем своим видом выражая категорическое несогласие с официальной версией.

А потом оказалось, что у Светы никого нет, только двоюродная тётка где-то далеко на Севере, и кроме как приехать потом, если получится, на могилку, она не может никакими силами. А дети её, троюродные, стало быть, Светлане племянники, живут – один в Австралии, и двое – в Камбодже, они там в какой-то археологической экспедиции, и зачем им, собственно, ехать, если они Свету ни разу в глаза не видели. А вещи, ну какие там вещи, вы раздайте что попримечнее, а остальное – можете выкинуть. Ценен ведь сам чело-

век, и то, что он делает. Светы больше нет, а статьи её, эссе эти – всегда в интернете найти можно при желании. Работу ей оплачивали, долгов у неё вроде бы нет. Про собственность – есть она или нет – тётка ничего не знает, родители Светы на том свете, братьев и сестер не было. Связи семейные давно утеряны, сама она ни на что не претендует, даже если квартира и сохранилась после родителей, только одна Света знала, где она, что с ней и как. Приехать, заняться розысками ей недосуг, не стоит овчинка выделки. Только на дорогу уйдет сумма, едва ли не равная стоимости похорон. Поэтому она не приедет, но в качестве компенсации, готова отказаться от любого возможного наследства, и если нужна официальная бумага на эту тему, то она готова дать её в любое время, только пришлите образец, как правильно оформить. Она тогда всё подпишет, завизирует у нотариуса, и вышлет оригинал.

Лида махнула рукой. Сами справимся. Скинемся, если что. В долг возьму или пну эту свою однокашку, пусть там, у себя в администрации, поклянчит, чтобы отнеслись с пониманием к ситуации, зря она, что ли, всем этим модницам чиновным варезек с муфтами навязала? А пока – они начали разбирать вещи покойной, и нашли завешание. Правда, всерьёз его так назвать было затруднительно. Просто рукописный текст на трёх листах бумаги, сколотых вместе степплером, с подписью и числом. Но почерк был Светы – это было очевидно. Листки были вложены в толстую чёрную тетрадь

с записями, тут же лежал большой блокнот в клеточку, куда Светлана заносила всякие напоминалки для себя и номера телефонов. Лида неоднократно наблюдала, как она это делает. И почерк был везде один и тот же.

На листках было написано, что собственность, которую Света оставляет, это дом в одном из близлежащих посёлков, где она прописана, и деньги – вклад на предъявителя. Тут же лежали сберегательная книжка и все купчие и документы на дом, включая пачку оплаченных квитков. Деньги были получены Светланой в результате продажи квартиры, и в принципе, почти все они уже были потрачены – частью на дом, частью внесены вот на этот вклад. Она неоднократно снимала небольшие суммы – видимо, доходы были не очень регулярными, а съём квартиры всегда предполагает чёткость платежей. Почему она продала свою квартиру – было неизвестно, но отдать то, что от неё осталось, она желала тому, кому это будет полагаться по закону на момент её смерти. Никаких предпочтений у неё не было; все, кого она любила – либо мертвы, либо перестали быть дороги её сердцу, близких родственников нет, а дальние пусть решают сами, нужно ли им это.

Вещи – писала она, – можно выкинуть или пусть соседи разберут, что кому понравится, а вот небольшое число книг, ноутбук и все записи – тетради, заметки на альбомных листах, блокноты – всё это она, Светлана, просит отдать Лиде. Сам ноутбук, Лида, если он ей не нужен, может продать

или подарить, или даже просто выкинуть, но она, Светлана, очень просит, чтобы Лида сняла с ноута всю информацию, все файлы. Всё, что ей захочется, она, Лида, может скопировать себе и сохранить, и использовать, как заблагорассудится, а то, что не нужно – просьба уничтожить. Музыкальные CD и DVD тоже пусть остаются Лиде. Она также может выбрать себе, что пожелает из украшений, и вообще, может то, что захочет, оставить себе на память, а остальное – раздать или выкинуть.

По сути, Лида назначалась кем-то вроде душеприказчицы. Если бы завещание было составлено у нотариуса, оно, безусловно, было бы не таким путаным, и не таким пространно-лирическим. Но Света писала его от руки, возможно, это был черновик, может быть, она и собиралась пойти с ним к нотариусу – но так и не дошла.

В итоге, было решено написать этой её дальней родственнице с Севера. Лида отправила фотокопии всех листков завещания, которое, увы, по закону таковым не являлось, и сообщила, что готова предоставить фото всех вещей, домов и прочего – для выработки плана действий. Вступать в наследство всё равно придётся хотя бы для того, чтобы от него отказаться, но если нет желания сюда ехать, можно назначить кого-нибудь, из числа проживающих здесь, душеприказчиком, распорядителем, и сделать на него доверенность. Этот человек и займется похоронами, оформлением документов, оплатами, и распределением вещей, оставшихся по-

сле Светланы. Так что она, Лида, соседка Светланы, с которой покойная общалась в последний год своей жизни, просит решить, кто это будет и сделать необходимые распоряжения, потому что тело в морге будет лежать только семь дней, и за это время нужно, кровь из носу, решить, кто им займется. Провести его как не востребовавшийся, с похоронами за госсчет не получится. Мы, писала Лида, конечно, скинемся, все, кто её знал здесь, но много мы тоже дать не можем, разве что в долг, поэтому просим назначить доверенное лицо, которое будет представлять ваши интересы и распоряжаться здесь всем вместо вас.

Лида так корпела над письмом, как будто это было делом всей её жизни. Результат сказался незамедлительно. Родственница запросила Лидины паспортные данные, и буквально через сутки пришла фотокопия доверенности на её имя.

Дама с Севера передоверила всё Лиде и умыла руки. С другой стороны – а что ещё ей было делать? Относительно дома она попросила прислать фотографии и выставить его на продажу. Деньги от продажи должны были погасить долги и расходы – если бы вклада не хватило.

Лида, в общем, предполагала такое развитие событий, и в определённой степени – что греха таить! – сама его спровоцировала, но столкнуться с этим всё равно было неприятно. Выходило какое-то злостное пренебрежение и равнодушие, это было и странно, и обидно. Родственница тоже, ви-

димом, ощутила неудобство и вслед за доверенностью прилетело другое письмо, где она объясняла, почему не едет.

«Простите великодушно, – писала родственница, – я не могу никак. Я без работы. Денег нет совсем. Дети присылают сейчас, помогают, но всё уходит на еду и на коммуналку. На вещи не трачусь, за жизнь много накопила, ничего не выкидывала, теперь донашиваю. Я бы приехала, да мне не на что. И в долги влезать себе позволить не могу. Работа-то может и появится, может даже завтра, но сейчас-то её нет, а решать и хоронить надо сейчас. Я наскребла тут немножко, заняла у соседки, мы с ней подруги с детства, она подождёт, если что, но этого и на дорогу, и на похороны всё равно не хватит, так уж лучше на похороны отдать. Вы не сомневайтесь, если хотите, я вам расписку напишу и у нотариуса заверю, что возьму вам все расходы, вы только помогите Светлану упокоить достойно. Я её не помню совсем, списывались иногда, на даты, да на праздники, но, кажется, она была хороший человек. А я даже где могила её родителей, не знаю. Знаю, что хоронили точно у вас, в вашем городе. Если Света умерла так нехорошо, наверное, там какие-то могут быть вопросы у правоохранительных органов, если да, то мне сказать им нечего, я ничего не знаю, а вот они, кстати, могли бы помочь с поиском этого места, ну, где родители захоронены. А дом вы продайте. Может, кто найдется желающий, вы его выставьте сейчас прямо, пока полгода эти идут, может, найдется кто, вот и ещё деньги будут. Как толь-

ко вступлю в наследство, сразу и оформим. Я тогда смогу под это побольше занять и приехать. Занять – дело нехитрое, но отдавать нужно вовремя, и сроки возврата называть точные».

Последняя фраза была верной. Да и всё письмо было хоть и сумбурным, но разумным. Лида успокоилась, подсчитала собственные финансы и пожертвования соседей, сложила-поделила, и поняла, что уложится и без срочной продажи дома, и без изъятия вклада. «Упокоим девочку, потом будем с живыми разбираться», – решила она.

Сергей Афанасьевич и впрямь помог с розысками и документами. Всё сделали быстро. Лида, по его совету, дала объявление на страничке одного из местных СМИ, за плату, понятное дело. Она надеялась, что хоть кто-нибудь откликнется, но проводить Свету в последний путь пришли всего трое – сама Лида, Сергей Афанасьевич, и ...Николай. Это было неожиданно, если честно.

– Жалко дурочку, – объяснил он, лохматя голову. – Ну что она, действительно! Ну, сказала бы мне, я этой Иродиаде⁴ кузьку-то показал бы... – он покосился на Сергея Афа-

⁴ Иродиада (ок. 15 до н. э. – не ранее 39 н. э.) – внучка Ирода Великого от его сына Аристовула. Была замужем за своим дядей Иродом Филиппом I и имела от него дочь Саломею, но изменила ему с его родным братом, Иродом Антипой. Это вызвало возмущение и, согласно преданию, за поруганный закон вступился Иоанн Креститель, заклеивший отступников в своих речах. Это разъярило Иродиаду, и она, с помощью дочери, добилась того, что голова Крестителя пала под мечом палача.

насьевича и торопливо договорил:

– Ну так, умозрительно, конечно, одними глаголами...

Лада и Сергей Афанасьевич переглянулись и прыснули со смеху. И тут же посерьёзтели – на кладбище как-никак. Николай насупился.

– А чего ржёте-то? Истинно Иродиада. Такая же злыдня, как та была. Вы что думали – я автослесарь, так и книг не читаю?

– Нет-нет, – поднял примирительно руки Сергей Афанасьевич. – Мы со всем уважением.

– А чего тогда смеётесь?

– Просто ты никогда с этой стороны себя не показывал, вот мы и удивились!

– А ты в точку попал, – встряла Лида. – Ну и с именами ловко вышло. Мы просто не ожидали, что ты так накоротке... с глаголами. – И она снова засмеялась. – Молодец, дядя Коля!

Николай только вздохнул да рукой махнул.

– Ты, Лид, сделай как надо. Я помогу, если что. Она хорошая была, убирала всегда чисто, всё чем-то помочь старалась. Советовала... и знаешь, умела незаметно так, будто самому в голову пришло. Что-то у неё с личным было. Драма какая-то...

Лида задумчиво смотрела на свежий, только что выросший у ног холмик. Они не стали трогать могилу родителей, участок позволял, выкопали ямку для урны рядом.

– Драма, говоришь? Личная? А я думала, там не про любовь, думала, другое что...

– Не знаю точно. Но мне кажется, личное, – он нахмурился, потемнел лицом. – Я раз напился и ночевать туда пришёл, она испугалась, даже собралась на вокзал ехать спать или к тебе. Но я ей сказал, что приставать не буду, вот мамой клянусь. Сказал, что, я, мол, таких... грудастых, люблю, и чтобы попа была... и вообще, не в моем она вкусе. Сказал, чтобы она не боялась, а она, кажется, даже обиделась слегка, а потом успокоилась.

– И что?

– А вот что. Я проснулся среди ночи. Слышу, плачет кто-то. Я пойти не пошел, потому что ясно было, что она, больше никому, но слушать – слушал, а куда деваться? Положение такое, дурацкое. Она с кем-то, кажется, разговаривала, может, по телефону, или по этому, как его, ну который в компе...

– По скайпу?

– Наверное... нет, думаю, по телефону, ну или может, в наушниках была, она их иногда вообще не снимала, так по дому и ходила – убирает, стирает, или пишет что-то, а наушники на голове...

– Почему ты так решил? – заинтересовался Сергей Афанасьевич.

– Потому что только её голос был слышен... и она всё время повторяла «божество», «божество моё». Женщину-то она

вряд ли стала бы так величать, вот я и подумал – тут что-то личное... а когда мужика божеством зовут, так тут только драма... а как иначе?

– Может, сама с собой говорила? Знаешь, некоторые так делают.

– Может и так. Тогда тем более – драма...

Сергей Афанасьевич взглянул на Николая с уважением. «Надо же, вроде смотришь, хабал хабалом, а вот, поди ж ты, такой такт, такая чувствительность!»

Лида смотрела изумлённо и, кажется, думала о том же. Николай вновь попал в яблочко, она знала, что психологи и впрямь рекомендовали этот метод для выхода из депрессивных и стрессовых состояний, правда, они рекомендовали выговариваться вслух перед зеркалом, но в основном, потому что так было легче. Не всем удавалось представить себе собеседника воображаемого, не у всех хватало мужества завести такую беседу, ведь говорить-то следовало в голос. Чем-то данная процедура напоминала разучивание роли актёром, своего рода репетицию, только на дому и экспромтом, по не написанному ещё никем сценарию, но не всем дарован актёрский талант, а здесь – увы! – здесь он был категорически необходим. И кроме того, моменты входа и выхода из роли были особенно щекотливы. Зеркало помогало снять страх выглядеть безумцем, ты разговаривал со своим отражением, с человеком в зеркале, он был и тобой, и посторонним тебе одновременно. Ты мог доверить ему всё, что угод-

но, и он никогда тебя не подвел бы. Он знал тебя, он понимал тебя, он был терпелив с тобой. И он был рядом всегда, когда бы ты ни пожелал.

Лида знала этот метод, потому что сама им пользовалась в хвост и в гриву, ей не требовалось зеркало. Но здесь таилась опасность. Зеркало всё же отъединяло вас от вашего воображения, служило ему ограничителем. Оно было как ворота: вошёл-вышел, и, как канатом, привязывало к обычной реальности. Если вы снимали ограничитель – вас более не связывало ничто. Даже необходимость вернуться могла в один момент перестать быть таковой. Лидино здравомыслие спасало её пока, но не всем от рождения дарована столь прочная основа.

Вообще стоило признать, что если бы не помощь Сергея Афанасьевича, кто знает, выдержало бы Лидино здравомыслие всё, что последовало за смертью Светланы. Особенно тяжёлым был первый месяц или даже два. Потом в ноябре Ираида Львовна устроила нечто вроде памятного ужина, в день смерти Петра Ивановича, и позвала к себе, в отремонтированную квартиру, соседей по дому, немного, человек десять или двенадцать. Лиду она тоже пригласила. И Николая. И Сергея Афанасьевича. Чем она руководствовалась при этом – сложно сказать. Это было как если бы убийца не просто пришёл на похороны своей жертвы, а пришёл, признался бы во всеуслышание, а потом ещё и затеял отмечать эту дату и позвал бы всех родных и близких покойной в ре-

сторан, на торжество – выпить и закусить. Николай не пошел – во избежание.

– Не поручусь за себя, – повiniлся он Лиде, – трезвый ещё молчу, да и не живу здесь почти, но если наберусь, могу ей и рыло начистить. Не хочу из-за этой жабы себе неприятностей. Руки об неё марать...

– Я тоже не хочу идти, – сморщилась в ответ Лида. – Хотя... если Сергей Афанасьевич примет приглашение, придется и мне, не бросать же его под танки.

Сергей Афанасьевич приглашение не принял, отговорился делами. Лида поблагодарила его и мысленно, и устно, и осталась в тот вечер в музее, бумаги разбирать.

И вот теперь, тридцать первого декабря, в канун самой волшебной и любимой всеми ночи, она стояла в дверях своей квартиры и с тихой ненавистью, спрятанной в углах плотно сжатого рта, смотрела на густо покрашенное пугало в атласном халате, щедро обсыпанное пудрой и облитое чем-то сладким до тошноты. То ли Нина Риччи, то ли Амариж Живанши... Жесть.

В действительности Лида спокойно относилась к сладким ароматам, некоторые ей даже нравились, особенно ванильные, или те, где в шлейфе, в послевкусии, пушисто переливались сандал и бобы тонка, это сочетание почему-то приводило ей на ум сладкие ночи тропиков. Она не была никогда в тех краях – но, когда читала описания путешественников или писателей, видела перед собой их словно воочию.

И если уж честно, она порой подумывала купить себе Нину Риччи, ту старую, 1987 года выпуска, в потрясающем своей изысканно-лаконичной роскошью флаконе от Рене Лалика. Она даже задумывалась про Амариж, для которого его творец, Доминик Ропьон⁵, собрал какой-то воистину запредельный сад, но она была крайне требовательна к соблюдению своих личных границ, а Ираида Львовна в последнее время очень настойчиво на них покушалась. Так что жесть относилась в данном случае к количеству, а не качеству.

– Чем обязана? – холодно процедила Лида.

Ираида Львовна качнула залаченным начёсом. Сладко-удушливое облако вокруг неё тоже всколыхнулось и раздалось в боках. Лида закашлялась.

– Простыли? – осведомилась величественно Ираида, отступая назад.

Лида воодушевилась, заметив её движение, и кашлянула ещё раз, и ещё. И даже согнулась немного, приложив на всякий случай руку к груди. Ираида Львовна отошла чуть дальше.

– Грудь болит, – объяснила невпопад Лида. – Продуло. Вы что хотели?

– Уже ничего, – поспешно отказалась Ираида. – В другой раз зайду. Выздоровливайте. С Новым Годом вас.

⁵ Nina (Nina Ricci), 1987 года – аромат созданный Кристаном Ваччиано (Вакьяно, Вачиано); Доминик Ропьон – один из самых знаменитых парфюмеров современности. Амариж Живанши – Amarige Givenchy (1991 год).

И пошла к себе наверх. Лида проводила её взглядом.

«Неужели дружить решила, после того, что случилось? Совесть проснулась? Ну да, у неё же никого. Мужа в могилу свела, детей нет, сестра неизвестно где. Интересно, а где она? Спросить, что ли?»

Подумала, и тут же передумала. Закрыла входную дверь и отправилась на кухню, выпить чаю. Горло и впрямь першило – то ли нанюхалась Ираидиных духов, то ли простыла-таки где-то. Потом спрошу, решила она. Квартира, интересно, только её, или сестра до сих пор прописана? Как тогда уехала – так больше и не появлялась. Жива ли? Ведь даже и это неизвестно.

Самым интересным было то, что в последние годы и сама Ираида не знала – жива ли её сестра? Она успокаивала себя тем, что плохие вести имеют шустрые ноги и если бы и впрямь что случилось, она бы узнала, так или иначе. Этим она оправдывала свое бездействие и нелюбопытство, хотя объяснялось всё проще пареной репы – ей было совершенно невыгодно разыскивать сестру и ворошить тему с разделом квартиры. Она знала, что у Алевтины дети, понимала, что они могут претендовать на долю матери, она прекрасно отдавала себе отчёт, что поскольку у неё самой нет прямых наследников, квартира, в любом случае, достанется или сестре или её отпрыскам. Она не могла разменять или продать квартиру без сестры, но и не желала этого делать, хотя, возможно, следовало бы; тогда у неё появилась бы своя «соб-

ственная собственность», которую можно было дальше отписать кому угодно – хоть кошачьему приюту. Но Ираида Львовна не пожелала продать или разменять квартиру даже когда умер Петр Иванович и у неё стало хуже с финансами. А не желала она этого, ибо тогда все бы узнали, что квартира до сих пор принадлежит обеим сестрам, а не только одной Ираиде. Тот скандал, на который она вывела Алевтину на похоронах отца, имел целью рассориться с сестрой раз и навсегда, чтобы она более не появлялась в городе. Ираида Львовна хотела выставить Алю корыстной злоумышленницей, однако перегнула палку и теперь не могла сделать ничего с квартирой без того, чтобы не пойти на поклон к сестре. Примирение было делом невозможным, при одной мысли об этом её охватывало бешенство и всё, что оставалось, это жить и ждать – вдруг судьба повернется к ней, Ираиде, светлой стороной.

Никто не знал, не гадал и не ведал, да и Ираида никогда и никому не призналась бы, как не признавалась и самой себе: «девочка-веточка» погибла потому, что её затравила она, Ираида, и затравила намеренно, ибо Светлана очень была похожа на Алевтину. У обеих были фигурки хрупкие, изящные; и волосы густые, тёмные у одной и светлые у другой, у обеих – красота неброская, но милая сердцу, из тех, что долго помнится. И характеры у них были схожи. Эту схожесть, это сродство и подметила Ираида Львовна, а подметив, возненавидела Светлану. Она не могла причинить зло

самому чёрному своему недругу, но она могла вредить его повтору, двойнику, приведённому судьбой. Так в прошлые века делали кукол из тряпок или воска, давали им имена своих врагов и втыкали в них иглы и ножи, веря, что тем самым убивают и человека, которого изображала кукла.

Ираида Львовна хотела известить Свету, потому что не могла проделать этого с Алей. Со Светланой она преуспела, но истинной цели своей не достигла. Алевтина осталась недоступна. Пока Ираида не знала где её сестра и что с ней, она вольна была считать её мёртвой, но тогда ей следовало ждать прихода Алиных детей как непрощенных гостей и захватчиков. Она не хотела этого. Она желала им смерти.

3. Ири и Аля. История сестёр

Аля, сестра Ираиды, родилась в год её двадцатилетия. Разница в возрасте между девочками была колоссальной, и возможно, вы воскликнете «Да как же, да зачем же?!», но разгадка крылась в том, что этого не ожидал никто, и менее всего – сама Мария Михайловна, мать Али и Ираиды. Она стала Сарой из библейских историй, родившей в возрасте, когда у неё, как элегантно это было определено, «уже прекратилось обыкновенное женское». Марии Михайловне, правда, климакс ещё и не маячил, но за плечами у неё были военные годы – трудные, голодные и смертельно опасные, была послевоенная разруха, тяжкий труд, и сложные первые роды. Сложными они, кстати, были настолько, что врачи, как один, рекомендовали не пытаться повторить процесс. И добавляли, что «неизвестно, до родов дойдет ли, выносить ведь ещё надо...» – и сочувственно качали головами. Так что Мария Михайловна с мужем жили в полной уверенности, что Ираида-Ири, балованная и желанная, станет ещё и единственной. Муж Марии не видел в том беды, он любил жену до самозабвения. На фронт в сорок первом он ушёл в двадцать один год, ушёл женихом, и Маша ждала его, ждала всю войну и дождалась. Их обоих ранило, и не по одному разу: его – на передовой, её – в тылу, но оба выжили и встретились, наконец, осенью сорок пятого. Поженились,

а через два года появилась на свет Ирочка, Ираида Львовна. Девочку, на самом деле, хотели назвать Иридой, но заведующая ЗАГСом нахмурилась и сказала, что таких имён не бывает. Ираида ей тоже не понравилась, но новоиспечённый отец возмутился и сказал, что так звали его бабушку, мать его матери, и что это старинное имя, да, оно еврейское, ну так и что, евреи не люди, что ли? И сам он, Лев Иосифович, еврей, и воевал, и голодал, и грудь в орденах. А грудь у него и впрямь была как иконостас, у Маши, когда он надевал все свои награды, аж глаза слезились. Заведующая сдалась, и записала девочку Ираидой.

Лев Иосифович быстро пошел вверх по служебной лестнице, и хотя недалеко уже было то время, когда евреев стали не любить почти в открытую, его военное прошлое и личные качества – принципиальность, храбрость и острый ум – снискали ему и уважение, и симпатию. К тому же он был широко образован и профессионал в своем деле, а такие люди были очень востребованы после войны. Врагов у него от этого не уменьшилось, а только приросло в количестве, но он умело вел себя с ними и не подставлял под их челюсти свои слабые места. Марию Михайловну он боготворил, потакал ей во всём и баловал нещадно. Дочь, которую не сложилось назвать именем крылатой вестницы греческих богов, была копией матери и оттого тоже божеством. У них была квартира – двухкомнатная, но большая, в центре города, царская роскошь по тем временам, и дача за городом, небольшой дере-

вянный домик, похожий на рыбацкую хижину. Стоял он прямо на берегу, на взгорке, поросшем деревьями, в затишке, и был хоть и не двухэтажным, но с вполне прилично обустроенной мансардой, площадью равной всему периметру дома. Два её окна выходили на море и ещё два смотрели на поленницу и заросли жасмина с бузиной на заднем дворе. Ездили они на дачу на новеньком «Москвиче», потом пересели на «Волгу».

«Волгу», Газ-21, Ираида особенно любила. Машина была как огромный зверь из сказки: светло-голубая, круглобокая и переднее сиденье – будто диван. Когда папа с мамой брали дочь в дальние поездки, часть вещей складывали между сиденьями на пол, на коврики, вровень с подушками заднего сиденья, и получалась такая будто бы люлька, с двумя мягкими спинками. Задние двери автомобиля запирались кнопками-столбиками, чтобы не дай Бог не открылись случайно – папа каждый раз проверял их собственноручно! – потом к одной пристраивали пару больших подушек, стелили одеяло и одну маленькую подушку-думку бросали в ноги. Ираида укладывалась навзничь на эту импровизированную лежанку, ставила ноги на подушечку, а потом запрокидывала голову назад и смотрела наружу, в окно, в необъятную высь, где плыли облака – иногда медленно, иногда даже быстрее хода машины, и где, если посильнее выгнуться, можно было увидеть верхушки деревьев по ту сторону дороги. Когда шея затекала, она начинала смотреть в окно напротив или

на маму, как она разговаривает с папой, или садилась ровно посередине и уперев подбородок в сложенные на спинке переднего сиденья руки, жадно вглядывалась в несущийся им навстречу пейзаж.

Всё это кончилось, когда родилась Аля. В год накануне её рождения отцу предложили квартиру, четырёхкомнатную, в не так давно построенном доме на одной из окраин. Город разрастался, вчерашние пригороды поглощались городскими кварталами. Отец утешал расстроенную Ираиду, говорил, что скоро эта глушь, как она выражается, станет частью центральных районов, а сейчас им очень нужно переехать. Там и жилая площадь больше, и дом новый, и комнат целых четыре. У неё будет больше места, они выделяют ей самую большую комнату с балконом; а под окнами, где сейчас пустырь, будет потом роскошный парк с прудами и дорожками, и к ней будут приезжать друзья, и будут восхищаться, и даже, хоть и нехорошо это, но будут ей завидовать. И в парке будут площадки для волейбола и для тенниса, и футбольное поле. И где-нибудь рядом обязательно будет кафе, летнее, с тентами над столиками, с мороженым в вазочках и лимонадом. И может быть, там будут подавать вино или варить кофе – как в иностранных фильмах, которые она смотрит; и она, Ираида, тоже будет сидеть за столиком, в легком летнем полосатом платье и рядом с ней, на плетеном стуле, будет лежать шляпка с такой же полосатой лентой и легкие лет-

ние перчатки. И она обязательно встретит своего принца.

– На белом коне? – прищурилась тогда смешливо дочь.

– Может, и на белом, – задумчиво протянул отец, – а может, на чёрном. А может быть, это будет не конь. А например, чёрная «Волга».

– С государственными номерами?⁶

– Какая разница? – похлопал её по плечу Лев Иосифович. – Был бы человек хороший.

Он так расписывал это неслучившееся, это возможное грядущее будущее, что Ираида вдруг от всего сердца уверилась, что всё это и вправду только для неё, и что квартира эта четырёхкомнатная, и машина и дача – всё это останется и достанется ей одной. И она утёрла слезы и согласилась, и начала собирать вещи для переезда.

Первым разочарованием стала новость, что не удастся сохранить дачу, вторым – что отец переходит на другую работу, совсем рядом с новой квартирой, и поэтому собирается отказаться от машины. Потеря дачи опечалила её не сильно, но вот машина! Для Ираиды это была её колыбель, её дом на колесах, её убежище. Когда они ездили в лес за грибами, на неделю или даже больше, родители ночевали в палатке, но для Ираиды всегда сооружали спальню в «Волге» – раскладывали переднее сиденье, и получалась огромная тахта.

⁶ Чёрная «Волга» с государственными номерами – в эпоху СССР была символом статусности и достатка, т.к. была служебной машиной у партийной элиты и работников административно-хозяйственного сектора.

И машина превращалась в дом – многооконный, застывший в середине тёмной чащи, озарённый скудным пламенем костерка.

Она проплакала неделю. Она почти не ела и не отвечала на расспросы, понимая, впрочем, что это бесполезно, ибо родителями всё решено. И она смирилась, но с того момента приняла для себя как данность, как факт, железно и железобетонно, что эта квартира – только её и ничья больше. Она определила для себя, что родители просто не хотят ей об этом говорить, но даже простая логика указывала на подобный расклад. Машина ведь ей ни к чему, она не хочет учиться её водить, это обременительно, да и дача – груз ещё тот. Ею беспрерывно надо заниматься, там же всё время что-то портится и ломается – ветра с моря безжалостны, соль разъедает железо, там слишком часто холодно и сыро, и назвать этот дом райским уголком можно разве что пару месяцев в году. К тому же на носу был день её рождения, двадцатилетие, и она подумала, что это действительно, может быть как бы подарком для неё, поэтому они, наверное, и не говорят ей заранее. И ещё подумала, что действительно ведь она может теперь уже скоро выйти замуж, а вдруг жених будет без чёрной «Волги» и квартиры – перспективные и умные, как правило, всегда бессребреники в начале карьеры – и надо же им будет тогда где-то жить, не снимать же им.

Они переехали. Прошел месяц, потом другой – оба в неустанных домашних хлопотах, а потом мама Ираиды ста-

ла вдруг стремительно поправляться. Ещё месяц, и дочери стало понятно – мама беременна. В сорок лет! Это было почти безумие!

– Вам же говорили, что этого не будет, – кричала она на кухне отцу. – Вам же говорили, что это невозможно, что это сложно!

Лев Иосифович пристально смотрел в чашку с чаем. Долго смотрел. Потом ответил:

– Видишь ли, дочь, природа любит сложные задачи. А невозможные – ещё больше. Вот и озадачила нас всех.

– Но это опасно!

– Жизнь и так опасна, – пожал плечами отец. – Ты села в машину – можешь разбиться, вышла на улицу – можешь попасть под машину. Ты можешь умереть, даже сидя дома на диване, да что там сидя – лёжа, во сне! Нет ни одного человека на земле у кого была бы гарантия, что он непременно проживёт следующие пять минут. Я только одного понять не могу – ты не рада за нас? У тебя есть какие-то возражения?

Ираида замолкла. Что она могла сказать? Что она считает всю эту квартиру своей собственностью? Что она не желает ни с кем делиться тем, что ей принадлежит? Что она была уверена и за эти годы намертво убедила себя, что она единственная дочь и всегда будет ею, и что всё, чем владеют её папа и мама, однажды достанется ей и только ей?

Она не могла произнести это вслух. Пока не могла. Но на-

стал день – и это случилось. И это стало началом конца их семьи.

В оправдание Ираиде следовало заметить, что её эгоистические взгляды на жизнь и недвижимость взялись, разумеется, не с потолка. Их, так или иначе, взрастили её родители – неумным и неумным балованьем, неумением ограничивать её требования и желания, нежеланием наказывать за провинности и стремлением обезопасить дочь от максимального количества проблем. Она привыкла, что всё для неё и ради неё – почему она должна была вдруг от этого отказаться? Они даже не сочли необходимым – хотя бы для приличия – поставить её в известность об истинных причинах переезда. Они затеяли это, уже зная, что Мария Михайловна в положении, на пятой или шестой неделе её беременности; по сути, они солгали дочери о своих намерениях – а ведь они касались не только их, но и её. Машина, дача – всё было продано, чтобы покрыть разницу в стоимости квартир, по возможности, не влезая в долги. А ведь Ираиде было не пять лет – двадцать! Взрослый человек. Ну, хорошо, она молода и всё равно на родительском иждивении, пока учится и не замужем, но обманывать-то зачем? Они боялись её реакции, боялись её обид и слёз, но всё равно получили их – в итоге. А в отместку она заставила плакать сначала их, а потом и других людей, вовсе не повинных в том, что кто-то когда-то обманул её саму.

Насмешкой судьбы выглядело то, что Аля родилась, когда

Ираиде исполнилось двадцать, столько же, сколько было их матери, когда она родила её, Ираиду. Тогда двадцатилетней Маше на руки лег младенец, которого нужно было растить, купать, кормить, и так далее; теперь спустя те же двадцать лет, её дочери легла на руки почти та же тяжесть. Младенец хоть и не был её собственным, но принадлежал и ей тоже, и поскольку её мать была и менее здорова, чем двадцать лет назад, и гораздо более востребована на работе (уже не просто учитель, но завуч, без пяти минут директор школы!) – Ираиде, воленс-ноленс⁷, пришлось частично взять на себя уход за малышом. Пора беззаботного порхания пришла к концу, а ведь у неё в полном расцвете были и она сама, и учеба, и любовные романы.

Такой же насмешкой можно было счесть и стихийно возникшую у родителей манеру, говоря о дочерях, объединять их имена, ставя вперед младшую и коверкая при этом имя старшей. Они не говорили: «Ираида и Алевтина», или «Ира и Аля» – первое было очень громоздко, против второго возразила сразу сама Ираида, сказав, что она не Ира, а Ири. Но «Ири и Аля», не звучало вовсе, получалось «Ири и Али» и звучало ещё хуже, поэтому они стали говорить: «Аля и Ири», а потом, скороговоркой, «Аля и Или». Ираида возмутилась, услышав это впервые, и получила в ответ: «Тебе всё время всё не нравится. Но нам так удобно. И ты уже большая девочка, что за капризы?»

⁷ «volens nolens» в переводе с латинского языка означает «волей-неволей».

Мудрено ли, что Ираида Львовна терпеть не могла сестру и не желала простить ей само её появление на свет? Говоря по чести, Аля как раз и выскочила замуж в восемнадцать, чтобы поскорее уйти из дома – ей невыносима была ненависть Ираиды.

Вся эта «эксклюзивность» Ираиды Львовны, её высокомерие и мстительность, вся её непререкаемая убеждённость в собственном праве делать, что приспичит, шли от смешения высоких постов, связей и возможностей отца с бездумной родительской любовью – сначала к ней, а потом вдруг, резко – к Алевтине. Туда же примешалось и соперничество с сестрой, и страстное желание победить в этом споре – любым способом.

Аля же росла в коконе собственной вины, она была готова на всё, лишь бы родные не ссорились из-за неё, и вообще не ссорились. Она и уступала, чем только подогревала амбиции сестры. Ираиде не нужны были уступки, они были половинчатым решением, ей нужно было как Цезарю – «aut Caesar aut nihil»⁸ – всё или ничего. И судьба пошла ей навстречу: Аля исчезла при первой возможности – выскочила замуж и уехала жить в другой город, и теперь Ираиде следовало получить всё – и только для себя.

За те годы, что Алевтина жила в родительском доме, Ираида так и не вышла замуж. Сначала было некогда – учеба

⁸ «Или Цезарь или ничто» – латинское крылатое выражение.

отнимала много времени, а с кавалерами хороводиться мешали соски да пеленки. Потом её обязанностью стало забирать Алю из садика и отводить туда по утрам; к этому времени Ираида уже и сама работала в школе. Она была учителем начальных классов, и вела по совместительству географию и природоведение. Потом Аля пошла в первый класс, но не к сестре, а туда, где работала их мама. Ираида перешла в специализированную школу-интернат и теперь Мария Михайловна сама заботилась, чтобы Аля вовремя попадала на уроки и делала домашние задания. Но Ираиде всё равно приходилось помогать матери по хозяйству – отцу было хорошо за пятьдесят, побаливало сердце, шалило давление, прихватывало застуженные в окопах ноги. Ираиде просто элементарно не хватало времени на серьёзные отношения. Несерьёзные были, конечно, как не быть! В старых девах оставаться она не собиралась, но и направо-налево не гуляла, держала себя с достоинством. Ещё одной причиной, по которой она не выходила замуж, было то, что она не хотела уезжать из дома. Это было для неё всё равно как в плен сдать себя, самолично. Это рассматривалось ею как поражение. И положила руку на сердце – ну не было вокруг приличных женихов! И это она тоже ставила в счёт родителям и сестре. Если бы не они, Ираида давно была бы замужем. Самые лучшие свои годы она провела, нянькаясь с малолетней сестрой. Кому нужна была возлюбленная, которая всё время таскала за собой младенца, или, придя в кои-то веки одна, вскакива-

ла во время вечеринок, не дожидаясь их окончания, и сломя голову, бежала домой варить кашу; кого могла заинтересовать прекрасная незнакомка, таскавшая сумки с продуктами на всю семью, которая жаркие летние дни проводила не на пирсе, сверкая белозубой улыбкой, а в песчаных дюнах, вдали городских пляжей, с малолетней сестрой, выстраивая для неё из воды и песка кривобокие куличики?

Но как только Алевтина съехала к мужу, Ираида Львовна моментально привела домой своего последнего ухажёра, с которым её связывали пока ещё недолгие, но бурные отношения. Ей самой на тот момент было уже почти тридцать восемь, он был двумя годами старше. Звали его Пётр Иванович, фамилия у него была Заславский, он служил бухгалтером на производстве, не шикавал, но и не бедствовал. Очень гордился своим именем (Пётр, как известно, означает «камень»), и датой рождения. Он появился на свет в год Великой Победы, в 1945-ом, да ещё и в мае, правда, в самом конце его, в последний день, тридцать первого. Родители прочили ему участь победителя во всём, но покорённые магией чисел и совпадений захвалили его с детства, забаловали – и вышел из Петра Ивановича совсем не герой, а любитель тишины и покойной жизни; трусоватый, слабоватый и скучноватый, честно говоря, субъект. Властную Ираиду Львовну он, однако же, устраивал, так как льстился к ней и не перечил. Финансово он был обеспечен, и хотя жилья своего не имел, но снимал хорошую квартиру в приличном районе недале-

ко от центра и близко к набережной, с её барами и ресторанами. Ираида Львовна вышла за него замуж, и они переехали к её родителям. Гостиную молодожены – так и быть! – оставили в общем пользовании, а папу и маму добрая дочь выселила к Алевтине, забрав в дополнение к своей комнате ещё и родительскую спальню.

Когда в июле 1991 года вышел закон о приватизации жилья, родители оформили всё сразу же и доли расписали поровну, на четверых. На Ираиду и Алё были оформлены завещания, после смерти родителей их части переходили к сёстрам, и квартира оказывалась у них в собственности поровну. Ираида Львовна потребовала выделить часть и её мужу, раз уж он здесь живёт и прописан, но отец отказал ей наотрез. Квартира была построена, куплена и приватизирована полностью на средства его и матери, они оба сделали для старшей дочери всё, что было в их силах, и завещания уже написаны – мама завещала свою долю Але, а он свою – ей, Ираиде; Петра они прописали как её супруга, и все с этим согласились и никто не возражал, хотя он до сих пор не внес ни копейки в общий котел, и даже коммуналку до сих пор оплачивают они с мамой, а не Ираида с мужем. Так что если она всё-таки хочет поделиться с Петром Ивановичем квадратными метрами, то она может выделить ему что-то от себя – нужно просто пойти к юристам и узнать, как правильно всё оформить.

Скандал, который в ответ закатила Ираида, был столь

грандиозен, что отца увезли в больницу с сердечным приступом. Мама поехала с ним в «Скорой», а когда вернулась – заперлась в своей комнате и два дня не выходила из неё. А когда выходила, то не заговаривала сама, и не отвечала на вопросы. Она ничего почти не ела, и за два дня её красивые приталенные платья вдруг обвисли на ней, как мятые мешки.

Отца выписали, и они с матерью переехали к его дальней родственнице, которая жила на другом краю географии, до неё даже на машине было почти два часа. Это был самый край области, дальше начинался другой административный округ. У родственницы был большой двухэтажный дом в небольшом посёлке, на главной его улице. Соседний дом принадлежал её женатому сыну, пространство между домами было объединено и огорожено. Рена, так её звали, сокращенно от Ренаты, разводила фазанов, втихаря продавала их, вкалывала с утра до ночи и заставляла работать с тем же усердием всех, кто попадался ей под руку. Льву Иосифовичу она выделила небольшой флигелёк на краю своего обширного двора, обставила мебелью, вытащенной из деревянного сарая, выстелила внутри полы для тепла старыми толстыми коврами, и предложила ему уволиться с работы. «Ты уже давно пенсионер, – сказала она ему, – денег тебе хватит, тем более здесь. Кормить буду вас бесплатно, за жильё денег брать не буду. Вот только свет сами оплачивайте. И на дрова налог учрежу, будем скидываться все в один котел. А ты, мать, – повернулась она к Марии Михайловне, – отдыхай.

Здесь, кстати, твоё учительство пригодится. Репетиторствовать сможешь запросто. Твоих познаний для здешних оболтусов – выше крыши. В общем, живите. Ирке ещё аукнется её борзость. Вот увидите».

– Можем и не увидеть, – грустно пошутил Лев Иосифович, – глаза-то уже подводят.

– Даже если помрёте раньше, – безжалостно отрубил Рената, – всё одно аукнется. За всё надо платить. Она заплатит.

– Мы бы не хотели... – начала было Мария Михайловна, но Рената оборвала и её:

– Это уже не в вашей власти. «Мне отмщение и Аз воздам». Это дело уже там, наверху.

Она ткнула пальцем в небо.

– Оно уже там, у Него на столе. Поздно пить боржоми. А теперь устраивайтесь и спите. Мы рано встаём. И шумим сильно. Так что спокойной вам ночи.

Мать прожила у Ренаты всего три месяца. Она была слишком городской, чтобы комфортно чувствовать себя на сельской ферме, а вот отец продержался целых четыре года и умер в девяносто пятом, уже после того, как у Али родился второй ребёнок – девочка. Последний раз сёстры увиделись с ним на кладбище, когда хоронили маму. Аля тогда приехала с мужем, детей они с собой не взяли – Глаше был год от роду, Вадику – пять. С тех пор Алевтина больше не приезжала, она была слишком занята домом и детьми, чтобы навещать отца, но писала и звонила ему регулярно, а Ираида,

хоть и жила почти рядом, но не приезжала вовсе, и Лев Иосифович затосковал всерьёз. Снова начались проблемы с сердцем, а тут одна из зим выдалась ещё и чересчур ветреной и сырой. Он простудился, не долечился, и в апреле, когда вся земля праздновала весну, вдруг слёг – и больше не встал, стогрел за два дня. Настолько быстро и неожиданно, что Рена ему даже врача не успела вызвать, думали, отлежится, не первый раз, с ним так уже было, а он – вон что! Не сдюжил в этот раз.

Хоронили в ту же могилу, что и Марию Михайловну, к ней под бочок. На этих похоронах и случилась та безобразная сцена, которую спровоцировала целиком и полностью Ираида. Бог весть, что ею двигало, кажется, она желала вызвать Алевтину на такую ссору, которая показала бы ту отвратительной жадной тварью, без стыда и совести, бросившей родителей, уехавшей за тридевять земель, а теперь приехавшей требовать свои квадратные метры. Но ей удалось это только наполовину. У неё вышло заставить Алю первой начать ссору, но не вышло выставить её хамкой и наглой жадной. После того, как Ираида бросила ей при всех за столом, что это она, Аля, виновата в смерти родителей, та вдруг внезапно замолчала, потом так же, молча, встала, сняла вязаную шерстяную кофту со спинки стула и вышла. Приехала она одна, без мужа и детей, и потому вначале её никто даже не хватился. Все решили, что она просто вышла, ненадолго. Потом обнаружилось, что её нет. Совсем, нигде. Ни вещей, ни сапог, ни сумки, с которой она приехала. Ираида фурией,

прямо при гостях, понеслась по комнатам. Деньги и золото были на месте, фарфор – тоже. Аля ничего не взяла, ничегошеньки. Даже старая собачка, с глазами-пуговицами, подаренная мамой, так и осталась сидеть в комнате, которая когда-то за ней числилась и в которой она жила. Она оставила всё и ушла. И больше не появилась; не позвонила, не написала. И не отвечала ни на письма, ни на звонки. Но из квартиры так и не выписалась. Все процедуры по оформлению наследства провела адвокатская контора, нанятая её мужем. Как бы ни хотела Ираида устроить разборку – тут ей была не судьба. С юристами особо не поскандалишь, особенно когда завещание, да ещё именное. Я такой-то завещаю такой-то, имя, отчество, фамилия, год рождения, номер паспорта. Вы хотите что-то изменить, мадам старшая сестра? Не вопрос. Идите к вашей сестре, просите, пишите, запрашивайте. Мы-то здесь причём? А если через нас, тогда вот наш прайс. Устроит – будем разговаривать, а нет – так нет.

Весь ужас положения Ираиды заключался в том, что победа, о которой мечтала она, теперь была фактически в кармане у её сестры, и чтобы окончательно восторжествовать, той даже не нужно было ничего делать. У неё были жильё, работа, время и дети, и время работало на них. У Ираиды было всё то же самое, но не было детей. Заводить приёмных она не хотела – была по горло сыта опытом воспитания не своего ребёнка, а своих у них с Петром Ивановичем не получилось. А потом пришёл климакс, потом она вышла на пенсию, до-

ходы резко сократились, и время превратилось для неё в тикающую бомбу.

Злоба копилась, росла, и выплеснулась, в конце концов, на бедную Свету, весь грех которой был только в том, что она очень напоминала Алю. Но какой бы злыдней и воображалой Ираида Львовна не была, такого исхода своей мести она не ждала и не предполагала. Смерть не была её целью. Она думала помучить, но не собиралась убивать, ей и в голову такие ужасы не приходили. Она, конечно, бывало, желала смерти тем, кто ей мешал, но это было как бы понарошку, в сердцах, в приступе обиды или ревности, а сознательно доводить человека – нет-нет, она бы не стала никогда! Она просто хотела, чтобы эта гордячка съехала от Николая и перестала маячить у неё перед носом этой своей похожестью с Алевтиной. Не более того. А та взяла и прыгнула в окно.

Самое отвратительное было в том, что Светлана, упав из окна, выполнила-таки желание Ираиды Львовны. Она съехала – на тот свет, с третьего этажа, и теперь, лежа в могиле в форме кучки пепла, никак не могла уже маячить у Ираиды перед глазами. Паззл сошёлся.

Бойтесь своих желаний. Будьте внимательны при их формулировке. Неверно произнесённые, они грозят наказанием.

Ираида Львовна спустилась к Лиде, чтобы поздравить ту с Новым Годом и под эту дудку как-то попытаться убедить и её, и – самое главное! – себя в том, что в смерти Светы нет Ираидиной вины. Она не виновата, она просто дела-

ла ремонт, просто жила, просто слушала музыку – как все. Но не получилось. Что ж, хорошо. Пусть Лида вылечится. Не надо, чтобы она кашляла на неё, Ираиду. Она не хочет болеть, она хочет пожить подольше. Она не будет беспокоить Лиду. Впереди Рождество, православное. Лида, наверное, ещё будет здесь. Тогда Ираида Львовна возьмёт что-нибудь вкусное, какой-нибудь ликёр из старых запасов, и спустится к ней сама в ночь на Рождество. И скажет, что она была бы счастлива увидеть Свету и извиниться перед ней.

И Лида её поймет. И простит.

В этом она уверена.

4. Заговорщицы. 1 января. Зоя, Глаша, Алевтина

Новогодняя ночь выдалась столь бурной, что Зоя едва не забыла напрочь, что должна забрать Алевтину из больницы. Еле-еле собрав себя в кучу, она дотащилась до ванной комнаты. Продолжая зевать и потягиваться, наполнила до краёв белую глубокую чашу на гнутых ножках и с облегчённым вздохом рухнула в горячую воду – там айсбергами высилась пена, и пахло корочкой чуть подгорелого лимонного пирога. Костик-Ромик-Роман ушел, когда не было ещё семи утра. Он жил с престарелой матерью, та была слаба и ногами, и глазами. Днем к ней забежала по нескольку раз соседка, которой Роман приплачивал за помощь, а ночью, если он был на дежурстве или с Зоей, соседка по его просьбе давала старухе снотворное, правда, совсем чуть-чуть, только, чтобы она не проснулась в ночи и не перепугалась, поняв, что одна дома. В обычные дни Роман позволял себе такие отлучки раз или два в неделю. Соседка была только счастлива приработку, тем более он не скупился и часто приносил что-то сверх программы – продукты, к примеру, но Новый Год не то время, чтобы отрывать людей от их собственных семей ради прислуживания в чужих. И в это утро Зоин возлюбленный повёл себя как настоящий мужчина – расцеловав её сонную на прощание, он тихо оделся и выскользнул из кварти-

ры. Входная дверь негромко щёлкнула: один из замков был устроен, чтобы дверь можно было закрыть без ключа.

Зоя, наполовину разбуженная, доплелась до двери, заперла её на огромную кованую задвижку – из тех, что можно выломать только вместе со стеной, и вновь улеглась в кровать. Заснула она моментально и проснулась далеко за полдень, около часа дня.

Ванна, кофе, два почти прозрачных ломтика сырокопчёной колбасы – есть не хотелось совсем – и она была готова к подвигам. Времени у неё было «миллион до неба», как говорила Лиса Алиса в старом детском фильме, и Зоя могла делать теперь, что угодно, однакож делать всё нужно было медленно и постепенно, периодически консультируясь, на что намекали последние фразы Бланшара, точнее, не намекали, а прямо-таки указывали пальцем. Что ж, она не против. Жизнь периодически надо менять, встряхивать как бельё на ветру, иначе придет момент, и ты сам надоешь ей до чёртиков, и она встряхнет тебя как то бельё, и ты слетишь – с верёвок, катушек, с путей-проводов, и тогда хана тебе, бедолага! Так лучше самому проявить инициативу; когда сам – тогда и точки приложения тебе известны, и контролировать последствия гораздо легче. Ну и эффект неожиданности пропадает – а он порой «страшнее пистолета».

Кстати, о неожиданности. Эта её соседка, Лида, и её носки! Ну, вот что Зое в голову взбрело к ней прицепиться? Ведь не общались никогда толком, и не виделись сколько!

То, что Лида хорошо и быстро вяжет, в том числе все эти лечебные штучки-дрючки, она знала распрекрасно, да и Катя слегла не первый день. И вот ведь штука, пока была возможность беспрепятственно всё делать – Зоя в ту сторону даже и не думала, а как запретили-усложнили, так сразу вспомнила! Вот он – человек. Всё наперекор! Не приказывайте, я лучше знаю.

Вяжу любое лыко в строку.

Вы мне – «нет», я вам – «да», и кукиш в кармане.

Упрямая я и вредная – да, да, сто раз да! На том стоим, иначе не выжила бы. Ладно, потом эти мысли, потом. Раз я дёрнулась в ту сторону – значит, зачем-то это нужно. Ну, значит, после и узнаю. А теперь – в больницу. Надо забрать Алю, да и Глашу вернуть на место, в общую палату.

Собственно, палата на Глашу оформлена, она может и там побыть, но лучше бы обратно. И Аля пусть домой едет. Марк в курсе, что Глаша в больнице, а она, Зоя, в отпуске – значит, сейчас он предпринимать ничего не будет. Глашу, конечно, он может выкинуть из салона на улицу в любой момент, но с ней, с Зоей, такое не пройдёт. На ней вся «белая» часть салона, и оформлена Зоя совершенно официально. Так что расставаться тоже придётся официально, во всяком случае, на первом этапе. Потом, после её увольнения, там – да, возможны эксцессы. Они, впрочем, возможны и на этапе увольнения – в виде условий для расторжения трудового договора, но всё равно не прямо сейчас. Все контракты

с персоналом – от директора до уборщицы – переподписаны и продлены ещё в ноябре и будут действительны целый год. Так что пока нет оснований беспокоиться, по крайней мере, в ближайшие дни десять, а там посмотрим.

В больнице палату было решено оставить за Глашей до окончания оплаченного времени, чтобы не было лишних разговоров. Предложение перебраться на квартиру к Николаю поначалу сопротивления не вызвало, но когда Алевтина узнала адрес – заявила «нет» категорически. Уговоры Глаши – дескать, я там уже была, уже жила, мам, да всё в порядке, я там всё знаю – только ещё больше взволновали Алю, и она распсиховалась всерьёз. Тогда Глаша, внезапно, вместо того чтобы броситься утешать, потребовала объяснений. Аля же в ответ только расплакалась, совсем по-детски, утирая кулачками глаза.

Зоя и Глаша примолкли.

– Мам, – проговорила, наконец, Глаша, – ты не плачь, ну мам... Ты просто скажи, что не так... я же вижу, что не так, тебе что-то не нравится, ну скажи – что? Почему туда нельзя? Или что – никуда нельзя? А что тогда? Я же не могу тут жить остаться. Ну, хорошо, ты не хочешь на съёмную квартиру, а мне? Мне куда деваться? Ты уехать можешь, но я-то не могу пока никуда из города, мне-то здесь надо быть... ну объясни ты толком, в чём дело...

Аля высморкалась, вытерла слёзы. На дочь она не смотрела – только на Зою.

– Там, в этом доме вашем, моя сестра живет. Родная. Над вами, над вашей квартирой, вот прямо этажом выше. Она меня старше на двадцать лет. Мы с похорон папы не виделись. Я же там до сих пор прописана. Она меня выжить отсюда хотела, хотя родители квартиру пополам между нами поделили. А она хотела всю себе, и мне не могла простить, что я родилась. А я разве виновата? Я же не просила!...

И тут она разрыдалась снова. Упала ничком в подушку на кровати, на которой сидела, и рыдала в голос, вздрагивая всем телом, а Зоя с Глашей сидели как пришибленные, не говоря ни слова. Глаша дёрнулась было, но Зоя поймала её за руку и помотала головой.

– Нет-нет, – тихо и быстро заговорила она, прижимая палец к губам, – не надо, пусть выплачется, видишь, сколько накопилось за эти годы... пусть это уйдёт, не трогай, не мешай...

– Вы знаете, о ком она говорит? – прошептала ей на ухо Глаша.

Зоя покивала.

– Знаю. Ираида. Ираида Львовна – гроза подъезда. Ужас, летящий на крыльях ночи.

– Она такая плохая? – изумлённо округлила глаза девушка.

– Она хуже, – убеждённо припечатала Зоя. – Что бы о ней ни сказали, будь уверена – она хуже. Это всё, что я могу тебе сказать – если в двух словах.

– А если не в двух?

Зоя вздохнула.

– Тогда это будет учебник по психиатрии. Очень толстый. И слёзы твоей мамы сейчас – самое наглядное тому подтверждение.

Они замолчали. Прошло минут пятнадцать, может быть, двадцать. Рыдания Али постепенно стихали, скоро она уже не плакала, а только бессильно всхлипывала изредка. Но Зоя всё равно не позволяла Глаше дотронуться до матери или заговорить с ней.

– Нет, – сказала она ей тихо, – пусть сама. Она сама должна успокоиться и заговорить.

– Но когда?...

– Когда успокоится – тогда и заговорит. Не беспокой её.

– Но мы...

– А мы подождём. Налей пока чаю, съешь что-нибудь. Она быстрее отойдёт, если вокруг будет обычная суета.

Зоя оказалась права. Как только зазвякали ложки, Алевтина выпрямилась и робко, дрожащим голосом, произнесла, словно стесняясь своих слов:

– А мне нальёте?

И созналась, тоже как ребёнок:

– Пить хочу.

Зоя улыбнулась. Глаша зазвякала ещё одним стаканом.

– Mam, вот. Тебе сахар? Вот, шоколадку будешь?

– Ну что ты мне как маленькой... – начала Аля, и вдруг

рассмеялась. – А, ладно, я и впрямь, как дитя... разревелась тут. Простите. Только история уж слишком больная. Мама с папой ведь и умерли из-за неё в итоге. Я уехала к мужу, а они – к родственнице, в деревню, на постой. А папа – сердечник и после больницы ещё, после приступа. Я до сих пор себе простить не могу, что не приезжала к нему, когда он один остался. Но он писал, что всё в порядке, и тётя Рена тоже писала, что всё хорошо, я и верила. Да и ты, – она указала на Глашу, – ты тогда родилась, и Вадим был ещё мал, оставить вас не на кого было. У Олега в то время бизнеса крутого, как потом образовался, не было, мы с ним работали как все. С девяти до шести, и платили не ахти, только на квартиру и еду, на одежду выкраивали с трудом, так что не покатаешься по другим городам особо.

– А почему вы просто не разделили её, в смысле, не разъехались? Можно же было выкупить как-то, обменять...

– Долго объяснять, дочь. Она, думаю, до последнего надеялась, что родит, мама же меня почти в сорок родила. Потом надеялась, что я пропала, умерла. Я же о себе знать не давала.

– Почему?

– Потому что она приняла бы это как слабость. Я и так чувствовала себя на коне. Я её младше на двадцать лет. Двое детей. Муж – порядочный человек, и состоятельный, вдобавок. Даже когда мы расстались, с новой женой, с Лёлей, у нас вышло полное понимание. А Ираида так себя повела,

что сама мне дорогу отрезала к примирению, ведь если бы я пришла первая, она моментально начала бы мне руки крутить. Сначала бы выведала всё, а потом началось бы. Так бы и говорила – у тебя, мол, всё, а у меня – ничего. Отдай квартиру мне. А я её потом твоим детям завещаю.

– Ну и завещала бы.

– Это Ираида. Ей верить – себя не уважать. Она бы завещание на следующий день переписала, никому не говоря.

– Мама! – Глаша укоризненно покачала головой, а Зоя рассмеялась.

– Твоя мать совершенно права. Я эту тётку знаю не слишком давно, но она именно такая. – И сделав выразительную паузу, добавила. – И даже хуже!

Тут рассмеялась уже и Глаша, и следом за ней – Аля.

Зоя внезапно хлопнула по столу ладонью.

– Кстати, о Лёле! Она предлагала мне работу. Она серьёзная девушка? Можно ей верить?

Аля горячо закивала.

– Лёля – чудо! Я ведь... – она осеклась, потом махнула рукой, пропадай мол, всё, и договорила. – Я ведь в тот вечер, когда она приезжала, просила её, если что, за Глашей присмотреть. Она мне на кресте поклялась...

Глаша так и подскочила.

– Да ты чего! Правда?! А я ведь тоже, и в тот же вечер!.. Она же от тебя поехала домой и попала в пробку, заночевать решила у нас в городе и к нам приехала, представляешь?!

И меня вызвала как массажистку, и я её попросила, если что, чтобы она тебя оберегала. И обещала ей письмо написать.

– Какое письмо? – у Али в голосе звучало потрясение, она смотрела на Глашу так, словно та только что свалилась ей с Луны прямо под ноги.

– Ну, я же не могла ей про ребёнка там рассказывать, и по телефону не хотела... И вообще, я же хотела сначала тебе всё рассказать... я сказала, что я ей письмо напишу, от руки, и всё объясню. И она мне тоже, на кресте... у неё такой странный крестик, мне показалось, он волшебный. Ну, в смысле, он такой старинный, как из сказки... такие, наверно, у колдуний бывают...

– У колдуний крестов не бывает, – улыбнулась Зоя. – Они же нехристи, наверное.

– А он и не похож на обычный. Он... как будто из совсем древних времен.

– Соглашусь с тобой, – Аля нежно обняла дочь за плечи. – А вам, Зочка, скажу – если Лёля вам предлагала работу, будьте уверены, это вполне серьёзно. Она строитель, она профи, она умна и проницательна. И очень отважна. Бог таких любит. Если вы хотите покончить с вашим этим борделем, развязаться с ним – вам стоит поехать с нами.

– С вами? Куда?

– К нам, в Н-ск. Ну, где мой бывший муж и Лёля сейчас живут. Поедем все вместе, втроём.

Глаша всплеснула руками.

– Мам, ты что, не слышала меня? Я же сказала, я не могу...

– Твой отец ребёнка поймёт, я думаю, и потом ты уволишься, и уедем. Разве ты не можешь взять отпуск, ты же не можешь работать... – она помедлила, – по своей... ммм... параллельной специальности?

– Работать тем, что вы называете «mmm», она не сможет, – вмешалась Зоя. – Но и уехать – тоже. У неё есть официальный профиль – массажист, с ней заключён трудовой договор. И отпуск у неё не раньше мая, график уже подписан. За свой счёт дни она взять может, но пока чисто теоретически. Я-то подпишу, но надо мной есть ещё начальство. Оно может возражать. Поэтому ей надо быть здесь и надо где-то жить. В больнице она жить не может. Ираида ваша её не знает, и если Глаша не будет таскаться к ней, и будет держать язык за зубами, то и не узнает. К тому же, это временный вариант, всё равно надо будет искать что-то понадёжнее.

Аля нахмурилась.

– Но почему? Почему?

– Есть свои правила. Их нарушать нельзя. Она нарушила. Дважды. Если она сейчас исчезнет до того, как её отпустят, по согласованию, официально – она будет считаться нарушившей трижды. Это карается. Иногда смертью. Я не шучу.

Повисла тишина. Аля сидела с белыми, как бумага, губами. Она даже говорить не могла, только рот открывала, словно рыба, выброшенная на песок, и судорожно хватала

воздух. Глаша прижалась к её плечу. Зоя встала, прошлась по палате, откашлялась.

– Алевтина, послушайте. У меня есть союзники. Они достаточно могущественны, чтобы справиться с ситуацией, но вы должны слушать меня беспрекословно. Обе. Вы вызываете Лёлю и уезжаете с ней. Глаша сидит здесь, в больнице. Тихо, аки мышь. Я занимаюсь тем, что выясняю, как её вызвать. Это всё. Теперь берём себя в руки, утираем слёзы, говорим друг другу «до свидания» и расходимся в разные стороны. Глаша остается здесь, в больнице, я везу вас домой.

Аля испуганно смотрела на Зою снизу вверх.

– А если заявить, ну в органы... правоохранительные... они же...

– Вы хотите на тот свет вместе с дочерью? И ещё меня прихватить? Тогда я вот прямо сейчас выхожу и валю до ближайшего аэропорта. И лечу первым же самолётом в первом же попавшемся направлении. И отправляю откуда-нибудь по почте заявление об увольнении по собственному желанию. И даже отказываюсь от денег, даже если они мне и полагаются. А вы идите. Куда хотите. Хоть к ментам, хоть в ФСБ. Но тогда проще открыть окно, обняться, и вдвоём – вниз. Прямо сейчас. Хотите?

Аля затрясла головой.

– Но почему я не могу остаться здесь до завтра, до вечера? Палата же оплачена. Я позвоню Лёле, она приедет сюда за мной. Я боюсь, что...

Зоя прервала её.

– Нечего бояться. Пока Глаша сидит здесь на сохранении официально и законно, с больничным листом – её никто не тронет, и её никто не будет искать. Потому что и так знают, что она здесь. А значит и к вам не придут её разыскивать. А более ни для чего вы не нужны. И не надо лишних разговоров и явлений посторонних личностей. Вы едете домой, Лёля едет к вам туда. В конце концов, может, вы об этом ещё до Нового года договаривались, кто знает? Напишите ей, что ждете её приезда. Что это важно. Только на всякий случай не рассказывайте подробности. Она же клялась на кресте – и вам, и Глаше. Пришло время выполнить обещанное. Так и скажите ей.

Крыть было нечем. Глаша безропотно собрала вещи, обняла маму, поцеловала её и, не говоря ни слова, не оглядываясь, отправилась к себе в общую палату. Зоя помогла Але собрать пакет с остатками еды, та настояла забрать всё, что ещё можно было съесть и доест, потом они вернули ключи, Зоя подписала необходимые бумажки, и они спустились в машину. Зоя и в этот раз умудрилась заехать во двор больницы бесплатно. Дежурным был тот же, вчерашний дядька, он, видимо, запомнил её «Чероки» и поднял шлагбаум даже раньше, чем она опустила стекло, чтобы спросить, сколько будет стоить заехать на территорию без пропуска на пару-тройку часов. Когда выезжали, Зоя притормозила и таки всучила ему купюру. Он взял шутливо под козырёк и при-

гласил бывать почаще. Она ответила «Упаси Господи!», оба рассмеялись, и Зоя вдавила педаль газа. «Чероки» вылетел пулей на дорогу, развернулся через двойную сплошную и понёсся к дому Алевтины.

– Хулиганите? – Аля покачала головой неодобрительно, и одновременно с плохо скрытым восторгом.

– Рисуюсь, – хмыкнула Зоя. – Стресс снимаю. Не обращайтесь внимания.

– А если остановят?

– Заплачу штраф. А для чего правила, если их не нарушать? Только не читайте мне мораль. Я тоже нервничаю. Стресс надо выплескивать, воду сливать, пар стравливать. И потом – дорога пустая. Никого. Я же не посреди толпы машин развернулась и не на пешеходном переходе. Знаю, это плохо. Но я так езжу раз в год по обещанию.

Обе замолчали. «Чероки» свернул во двор. Около подъезда, где жила Алевтина, все парковочные места были заняты. Зоя проехала чуть вперёд, развернула своего Буцефала⁹ на площадке для мусора, выдвинула нос машины так, чтобы никто не перегородил ей выезд, заглушила мотор и включила аварийку.

– Вы почти дома. Пойдемте, донесу пакеты, удостоверюсь, что с вами всё хорошо и вы точно дома, и тоже – домой. А вы пишите Лёле, пусть едет сюда. Приедет – дайте мне знать.

Пока Зоя ехала к себе, позвонила Глаша. Запинаясь

⁹ Буцефал – конь Александра Македонского. Здесь – в переносном смысле.

на каждом слове, она сказала, что ей страшно здесь быть, всё равно страшно, и что на квартире у Николая ей было бы не в пример спокойнее. Там ведь если что, можно вообще не выходить никуда. И соседи вокруг, и все всех знают. Здесь в больнице слишком много народу. Она понимает, что никому не нужны лишние проблемы, но всё равно страшно. Зоя хмыкнула.

– Ты, Глашунь, так говоришь просто потому, что у Николая ты уже жила, и там тебе место знакомое – это раз, и в тот раз всё гладко сошло – это два. Ты только учти, плиз, что сейчас в больнице ты на официальном положении, а у Николая ты будешь партизан-подпольщик. Но я тебя понимаю. Ты думаешь, что ты там закроешься на все замки и носа не высунешь, а если кто будет ломиться в дверь, так соседи ментов вызовут.

– Ну, я....

– Дорогая моя девочка, не придумывай. Сиди, где брошена. За тобой там присматривают, уж поверь мне. А у Николая – не будут, ибо там это сложно организовать. И легенду надо держать как паузу, до последнего. И с Марком переговорить по твоей ситуации. До, а не после. Отпустить тебя мы, конечно, обязаны, потому что сами так установили в своё время, и он под этим тоже подписывался, но на тебя у него зуб, поэтому наверняка будут какие-то нюансы при согласовании. И лучше если ты в это время будешь именно там, где ты есть. В больнице, сирая, убогая, обмотанная бин-

тами и капельницами. Усекаешь?

Голос Глаши повеселел.

– Усекаю, Зоя Михайловна. Спасибо!

– Ну и лады. Займись там чем-нибудь, не трезвонь всем подряд. Книжки читай или вон пинетки малышу вяжи. Вя-зать умеешь?

– Умею. Только у меня с собой нет ничего.

– Напиши, что нужно, я куплю и оставлю тебе в передаче на проходной. Только завтра, сегодня уже не поеду. Спать хочу. Всё, отдыхай. Пока-пока.

– Доброй ночи вам, Зоя Михайловна.

Зоя бросила телефон на соседнее сиденье.

Чёрт, пинетки! Это важно. Почему? Чёрт-чёрт! Лида! Катя! Носки! Она же обещала узнать размеры. А как это сделать? Он сказал – всё через него. Что, и это тоже? Да ну, глупости!

Она потянулась к телефону, но тут же отдернула руку.

Нет. Сказали – к маме, значит – к маме. Всё через него – значит, всё через него. И носки тоже. А что? Вдруг у него ревматизм? Вдруг он сейчас скажет, что ему тоже надо?

Она запарковала «Чероки» около развесистого клёна, что рос прямо напротив её подъезда. Поднялась к себе. Села в кресло-качалку, подумала немного и, выдохнув всей грудью, набрала номер. Сердце колотилось, нервничало. Красивый баритон вежливо пропел в ухе:

– Уже соскучились, Зоя Михайловна?

Она опешила.

– Ну, я... Я хотела спросить у вас...

– Спрашивайте.

– У меня в том доме, где квартира моя, соседка живет, Лида, вяжет потрясающие носки и пледы, и другое всякое. И они, как массажёры, они из лечебной шерсти разной, я когда там была, мы встретились, и я... Я, мне кажется, забыла просто, что мне теперь только через вас...

Он засмеялся в трубку.

– Нет, Зоя Михайловна, вы просто соскучились по Катерине. И беспокоитесь за неё. Вот ваш мозг и нашел лазейку. Это хорошо. Хорошо, что вы о ней беспокоитесь. Носки можно. Напишите ей. Кстати, а мужские носки ваша Лида не вяжет? Из лечебной шерсти?

– Вяжет, она любые вяжет. Только нужен, она сказала, размер и полнота ноги, чтобы хорошо сели.

– Ну вот. Вы тогда Катерине напишите, она вам все размеры и пожелания пришлет. Когда будут готовы – заберёте и мне позвоните. Решим, как дальше. Желаю удачи.

И отключился.

Зоя засопела. Бред всё-таки. Она звонит такому человеку, без пяти минут хозяину города, с которым местные воротилы разговаривают, чуть ли не с придыханием, а он на полном серьёзе решает с ней вопрос, как заказать вязаные носки у её соседки, мастерицы Лиды. Офигеть!

Хотя, почему нет? Покажите, где написано, что так нель-

зя? Не можете? Ну, на нет – и суда нет. А теперь спать. Сейчас только напишу Катюше – и спать.

Она дождалась ответа от Катерины, увидела количество заказанных пар носков, и подумала, что Бланшар, наверное, решил заказать ещё и своим домочадцам. Повару там, охранникам. Она представила, как они все ходят у него по особняку в этих носках, будто в униформе. Представила – и заснула, зевая и улыбаясь во весь рот одновременно.

5. Лида и Марк.

2 января. носки и судьбы

На следующее утро, проснувшись около полудня, позавтракав и переделав на скорую руку часть неотложных домашних дел, Зоя скинула Лиде данные по заказу. Потом выждала для верности ещё пару часов и перезвонила.

– Лидусь, здравствуй! Ты прости меня, я не думала, что так много получится...

Лида прервала её.

– Не говори глупости! Отлично всё. Мне деньги не лишние. У меня тут простой как раз. Раньше моя однокашка много заказов приносила, но недавно разобиделась, перессорилась со мной, и теперь ни заказов, ни денег. А мне бы они очень не помешали, в связи с последними событиями в жизни.

– Значит, ты не сердишься? А то я хотела сказать тебе «добрый день», а потом думаю, вдруг ты сейчас как гаркнешь – какой он добрый, с такими нагрузками?!

Лида расхохоталась. Звонко, словно колокольчик раззвенелся.

– Ой, разве это нагрузка?! Вот раньше была – да! И носки, и перчатки, и шали, и муфты. И вязаное, и валяное, и комбинированное, с мехом, со смехом. Только пыль столбом. А это... мелочь, ерундистика.

– И когда забрать можно будет? И цену, цену-то скажи! Самое главное забыли.

– Цену скажу, когда шерсть докуплю. Моих запасов может не хватить, а они у меня давно лежат, с тех пор могло подорожать. Меня же почти год не было. Но тарифы у меня на саму работу не менялись.

– Щедра ты, мать. Может, поднимешь? В связи с последними событиями в жизни. Кстати, а что это за события?

Лида засмеялась.

– Это не по телефону. Ибо долго. Уши отвалятся. А поднимать цены не хочу. Большой цене надо соответствовать. Тогда придется регулярно всем этим рукодельем заниматься, причём, как делом. А я предпочитаю рассматривать этот процесс как отдых.

– Понимаю. А по времени?

– Давай, ориентировочно, шестого.

– Шестого – ночь на Рождество.

– Я знаю. Вот и зову. Приезжай. Ты же не при семье, как я поняла. И я бобылка. А праздник семейный. Вот и отметим. И даже мои события обсудим, если пожелаешь. Мне, видишь ли, совет бы не помешал. Или у тебя планы?

– Нет. Планов нет. А ты успеешь?

– Конечно. Тут ненадолго. Мне сейчас всё равно заняться нечем.

Зоя нажала красную трубочку на телефоне и подумала, что есть определённый символизм в том, что происходит во-

круг. Глаша должна пробыть в больнице семь дней, неделю, как раз до Рождества, и теперь Лида приглашает её к себе в канун Рождества, и звонить Ивану Ильичу она, Зоя, будет опять-таки в этот вечер, и возможно получит от него разрешение поехать к Катерине и отвезти ей носки в подарок – в ночь на Рождество. А носок-то ведь самый что ни на есть рождественский предмет, во всех книжках именно в них, в носки да в чулки, вязанные-полосатые, вкладывали рождественские подарки! И Рождество – это же символ новой жизни! Было бы здорово, если бы к этому дню рассосались все их проблемы, но сами они не исчезнут, им помочь надо. И если удастся решить вопрос с увольнением Глаши, это будет самый лучший подарок им на Рождество – и самой Глаше, и её маме, и нерождённому ещё малышу. А если и у Зои получится уволиться без лишних проблем, и Лёля возьмет её на работу, и если там действительно интересно и за достойные деньги...

Так, стоп. Слишком много «если». Всё – постепенно. Всё – не торопясь.

Сначала мы встречаемся с Лёлей и Алей. И выясняем, что там за золотые горы. Потом идем к Марку Матвеевичу и спрашиваем про Глашу. Про себя – потом. Ибо заявление Глаши об увольнении, у неё, у Зои. И оно уже ею подписано. Только дату надо проставить. А она сейчас – на выходных, а потом в отпуске. Значит, сначала надо выцарапать Глашу и потом уже заняться собой. И Катю ей не хочется, очень

не хочется оставлять одну. Как бы так исхитриться, чтобы и её с собой забрать? Она же всё равно не нужна Марку. Зато она, кажется, очень нужна Ивану Ильичу.

Зоя прикрыла глаза. Вот было бы здорово им всем уехать отсюда. Вот только как? И куда?

Но для этого нужно, чтобы случилось чудо. Чтобы Марк Матвеевич перестал быть тем, кто он есть, и стал хорошим человеком. И отпустил их. Сам.

Но чудес не бывает. Такие, как Марк, могут перестать быть, но не могут, увы, перестать быть теми, кто они есть – вот в чём штука.

И это очень, очень грустно. Потому что в этом случае, даже нельзя ничего пожелать, потому что получится, что ты желаешь человеку смерти.

Странно, правда? Он желает смерти тебе или тем, кто тебе дорог, а ты – ты не можешь ответить ему тем же.

Потому что переступишь грань и уподобишься ему. И Бог отвернётся от тебя. От вас обоих.

Тогда надо помолиться. Пусть Он поможет как-нибудь.

Зоя сложила у груди руки.

– Боженька, прошу тебя, – зашептала она, – ты помоги, пожалуйста. Я не знаю, как, но знаю, что ты – знаешь. Не хочешь мне помогать, помоги Глаше, или её маме, или Кате. Ты помоги кому-нибудь одному. Мы тут все связаны. Одного выручишь, а мы уж как-нибудь... подтянемся. Помоги, не оставляй. Я очень прошу.

И почувствовала, как слезы катятся по щекам.

Утерла их. Успокоилась. Восстановила дыхание. Впереди у неё длинный день. Нужно занять себя чем-нибудь. Можно бы съездить в «Рай на окраине». Спросить у Марка, что он думает насчет Глаши. Он, наверное, там, где ему ещё быть! Поеду, нет смысла откладывать.

Она набрала номер Эльзы. Та ответила мгновенно, словно ждала. Нет, Марка Матвеевича нет на работе. Уехал. Сказал, на встречу какую-то. Нет, не сказал на какую. Но был одет, словно в ресторан. Обещал быть завтра. Нет, она не знает, но скорее всего, будет, потому что назначил на половину двенадцатого совещание. С кем, с кем, с ней, Эльзой, естественно. И с бухгалтерией. А что? Вы придёте, Зоя Михайловна? Нет? Может быть? Ну, хорошо. Я передам. Да, спасибо. И вам хорошего дня.

Зоя потянулась и зевнула. Марк будет только завтра. А что там у Али? Позвонить?

Телефон взорвался стремительной мелодией. Алевтина.

– Мы дома. – Она даже не поздоровалась, так торопилась отчитаться. – С Лёлей. Ждем вас в гости. Если вам удобно, конечно.

– Мне удобно, – в тон ей ответила Зоя, – сейчас приеду.

Ну, слава Богу, ленивый день отменялся. Кофе, одеваться, и вперед. Менять работу, жизнь, судьбу. Новый Год на дворе. Надо соответствовать. Хотя бы иногда, хотя бы раз в десять лет. И тут она вспомнила, что «Рай на Окраине» и открыл-

ся-то как раз десять лет назад, в декабре 2001-го.

Что ж, значит и впрямь судьба. Так пусть им повезет. Неужели не заслужили?

Пока Зоя одевалась, искала брошенные ею, где-то тут, на полочке, ключи – сначала от машины, потом от дома; пока она спускалась вниз и грела машину, пока выводила из двора свой «Чероки», направляясь к Алевтине, Марк Матвеевич ехал в центр, к самому дорогому в городе ресторану, который располагался совсем недалеко от того дома, где они жили с Катериной сейчас. Город был почти пустым, но Марк не желал торопиться. До назначенного времени было далеко, целый час с четвертью, и кроме того, не стоило приезжать вовремя, это было, как он считал, не по статусу. Так что он медленно катил по улицам, тщательно соблюдая все дорожные правила и ограничения. Мысли текли своей чередой, но время от времени их лента скручивалась в тугую спираль и будоражила его воображение. Эти ментальные толчки преследовали его и раньше – свой бизнес, необходимость искать деньги, помещение, и ещё он вновь и вновь вспоминал о розовой жемчужине, которую они искали в детстве, да так и не нашли. Наверное, её никогда и не было. Марк начинал думать, что его родителей попросту обманули. Они искали клад, а тот, скорее всего, был выдумкой, мифом. Он никогда не существовал – просто какие-то враги его родителей, гады и сволочи, придумали эту сказку и обманули его отца и мать. Зачем они это сделали – он не знал. Может быть, они

что-то выманили у его родителей, какую-то ценность в обмен на рассказ о жемчужине, и поэтому их семья жила хуже, чем могла бы. В пользу этой версии говорила его память – в ней запечатлелись страстные речи матери о каких-то утраченных возможностях и потерях, о том, что если бы не козни и интриги, они ютились бы не здесь, на окраине цивилизации, а жили бы в столице, на одной из главных улиц, в какой-нибудь огромной квартире, с паркетными полами и зеркалами в лепных простенках. Ребёнком, он верил её словам, позже думал, что это были просто мечты, которыми она утешала себя в богом забытой глуши, а теперь он вновь начинал склоняться к мысли, что родителей могли обмануть, могли выманить у них что-то важное, и возможно даже очень дорогое. А может быть, они просто плохо искали. Он вдруг подумал, что в действительности, они толком никогда и не старались её найти. Они втроём – он, Катя, и Лида, дочь соседей сверху, больше играли в поиски, чем искали на самом деле. Они изображали, будто они что-то ищут. Может быть, если он займется этим вопросом сам, лично – он, может быть, и найдет эту розовую кобру, которая, как тот алмаз в романе Уилки Коллинза, ценна помимо своей стоимости ещё и сакральным смыслом, легендой, которая о ней повествует. Нужды нет, что легенда – ложь, и о ней знают единицы, у истинных специалистов такие камни оцениваются высоко. Марк приободрился. Вряд ли его родители были настолько глупы и злы, как он пытался о них думать. Нет, скорее всего,

они и впрямь стали обладателями какого-то предмета, одного или нескольких, которые могли иметь отношение к этой жемчужине, только они не знали, где именно она запрятана. Наверное, в одном из этих предметов был какой-то хитро устроенный тайник – вот его-то они и искали. Возможно, надеялись, что если дети будут везде лазать и ползать, то однажды нажмут нечаянно на какой-нибудь хитрый рычажок – ведь так, кажется, происходит всегда в книжках? И тогда тайник откроется и оттуда выкатится это розовое сокровище, и дети радостно подхватят его и побегут к ним с криками: «смотрите, смотрите, что мы нашли!». Нет, право, ему стоило поискать получше. Хорошо, что ему пришлось когда-то в голову не продавать родительскую квартиру, а уговорить Лиду присматривать за ней. Хорошо, что она никуда не переехала, а так и живёт, где жила. Он подумал, что сейчас, наконец, могут окупиться все его расходы на подарки к праздникам и на продуктовые наборы, которыми он баловал её в голодные девяностые. Кстати, было бы неплохо и в этот раз приехать не с пустыми руками, и пока он не забыл, надо прямо сейчас позвонить ей и договориться о встрече – например на завтра, а потом зарулить куда-нибудь и купить ей новогодний презент.

Лида ответила на звонок очень быстро, словно ждала его. Да, сказала она, я завтра и послезавтра, и вообще все дни до шестого января дома, никуда не поеду и не пойду – разве что в магазин за продуктами. Он может приехать, когда за-

хочет, только лучше набрать её хотя бы за полчаса до визита. Нет, ей не сложно, она будет рада его увидеть. Он поблагодарил и нажал кнопку «отбой». Слава Богу, всё, кажется, складывается удачно. Он подумал вдруг, что если бы нашлся этот Нагмани, эта розовая жемчужина из легенды, то он мог бы использовать под место встреч и съёмок родительскую квартиру. Она отлично расположена – первый этаж, два балкона, торец и пустырь. Он вдруг вспомнил, как Лида однажды со смехом рассказывала о сплетнях, которыми донимали её досужие болтуны, что, мол, она хочет сделать из своей квартиры музей, с отдельным входом, и для этого уговорила соседей снизу (их с Катей) не продавать квартиру и мебель, а тоже продать (или отдать – тут версии различались) всё это музею. И он подумал, что это в действительности не самая плохая идея. Перевести помещение в нежилой фонд, устроить в нём нечто вроде «Рая на окраине» – мини-салон, тату или массаж, или косметический, тем более что Лиды вон, чуть не по году, дома не бывает. И замкнутый круг, который был его кошмаром, будет, наконец, разорван. Змея, кусающая свой хвост, развернётся и поползёт к цели.

Он так долго ждет своего часа. Его первоначальный план продать патрона конкурентам – так и не сработал. И дело не в том, что некому, или «слив» не интересен, проблема в том, что он, Марк, не может позволить себе выйти с таким предложением первым, он должен ждать запроса – это важно! Потому что все знают, что Марк – правая рука Блан-

шара, и он очень давно изображает эту руку, и если Марк выйдет сам – ничего у него не получится, он только под монастырь себя подведет. Конечно, он знает, что есть люди, которые хотят падения Бланшара и Свирского. Он даже знает (или догадывается), кто они, но если он обратится к ним – не факт, что его воспримут всерьёз. Во-первых, они могут расценить это как провокацию, придуманную Бланшаром для каких-то своих тайных, бланшаро-свирских целей, и реализуемую по его указке Марком. Во-вторых, он не может это сделать, потому что удивление от его поступка может оказаться слишком велико и пересилит их интерес. Другими словами, все ужасно удивятся, почему Марк так поступает, и удивляться будут так громко, что об этом узнают Бланшар или Свирский. Или оба вместе. Таким образом, Марка в этом случае просто сдадут – походя и ненароком. И третье – он не может себе этого позволить, потому что это реально опасно, и он не знает, к кому конкретно идти. То есть, он не настолько хорошо осведомлен о подводных камнях и конкретных раскладах, чтобы соваться напрямую самому. Кроме того, он же не из любви к искусству это хочет сделать, нет, он хочет получить определённые дивиденды, а если приходят к тебе, то ты можешь запросить много больше того, на что вправе рассчитывать, затеявая игру первым. Потому что во втором случае ты выступаешь в роли просителя и не можешь диктовать свои условия.

Замкнутый круг! Для успеха этого предательства ему

нужно, чтобы к нему обратились, а к нему не обращаются, потому что все знают, что он правая рука Бланшара. Хуже всего то, что он сам лез в эти правые руки, чтобы успешнее продать патрона, и вот теперь это усердие, реализовавшись, мешает ему выполнять задуманное.

Он долго ждал, очень долго, но его время уходило, и нужно было что-то делать, что-то менять. Это не значило, что он должен полностью отречься от своей задачи, но её следовало переформатировать, сменить приоритеты. Отдать предпочтение другим планам. Начать зарабатывать немножко мелочи себе на жизнь. Всё, что для этого было нужно – это, чтобы жемчужина нашлась. Такая малость!

«Найдись, – горячо взмолился Марк, – найдись, пожалуйста! Ну что тебе стоит?»

Алевтина позвонила Лёле сразу же, едва вернулась из больницы домой, и та, хоть и была по уши в домашних хлопотах и делах, не стала тянуть с визитом. Она решила не срываться днём, чтобы Олег не полез с расспросами, и пока ждала вечера, сочинила сказочку о том, что ей светит крупный заказ и даже умудрилась заручиться поддержкой своего ближайшего партнера в другом городе, упросив его подтвердить, что она поехала именно к нему. Олег удивился, но поверил. Стартовала Лёля за полночь и добралась в Н. только под утро. Отоспавшись до самого обеда, перекусив и выслушав сумбурные Алины речи, Лёля потребова-

ла встречи с Зоей. Поскольку и Зоя этого желала – Алевтина тут же набрала номер. Зоя отозвалась сразу, сказала, что прямо сейчас собирается и выезжает. Дорога её не задержала, город был тихим и пустым – от этого было даже как-то не по себе.

Лёля сразу начала сыпать вопросами, но Зоя оборвала её.
– Лёль, вы меня простите, но давайте сначала спрошу я. Первое – можете ли вы забрать с собой Алевтину? Не знаю пока на сколько. Может на месяц, может больше. Есть вариант, что насовсем. И есть вариант, что вам придется озаботиться её трудоустройством.

Лёля фыркнула.

– Это вообще не проблема. Особенно трудоустройство. У меня для неё есть шикарное место. В отдельной квартире, на диване, у телевизора. Плед и книги прилагаются. Продукты будут в холодильнике, но готовить придётся самой, вот тут печаль!

– Что, и слово «насовсем» вас не пугает?

– Нет. А должно?

– Наверное, нет.

– А второе?

– Второе – про моё трудоустройство. Вы мне, помните, про соблазн большой зарплаты рассказывали?

– Помню. Соблазн всё ещё жив. А вы готовы ему поддаться?

– Не прямо сейчас, я пока несвободна. Но планирую

на выход с вещами. Приютите?

– Обязательно.

– И чем вы меня займете?

Лёля пожала плечами.

– Ничего хитрого. Мне нужен дизайнер в мою контору. Я строитель, подрядчик. У меня рабочие – всех цветов и сортов. Квартиры, дома, ремонт, отделка. Берусь за производственные помещения, но не очень большие – кафе, рестораны, салоны всякие. Так, бытовая мелочёвка, не выше пары этажей. Но у меня в основном практика и математика. А вот с художественной стороной – не очень. Пока, увы, все дизайнеры на переговорах с клиентами сидят не по мою сторону стола. А нужны рядом.

– Кажется, понимаю. Но можно поподробнее, если не сложно?

– Ну, если на пальцах, тогда так. Решил человек сделать себе дом. Или квартиру отремонтировать. Приходит он к дизайнеру – ну типа, за общим видением, – и говорит, вот хочу себе арки в четырёх стенах, такие кругло-треугольные в дырочку и по две колонны по бокам. Нарисовать можешь? Яволь, говорит ему дизайнер и рисует красоту. Дядя – ко мне. С рисунком. А я ему говорю – если я тебе, дядя, такие арочки вот в этих двух стенках сделаю, у тебя дом может и устоит, но вот если эту добавлю, то его перекосит, а если ещё одну – то он вообще у тебя как карточный сложится, причем сразу, треугольничком арочным. А дядя в ярости

кричит – дура ты, ни хрена не понимаешь, а туда же, указывать! Мне дизайнер рисовал, сказал, так бывает! Вот – видала? И тычет мне под нос картинку. Я ему про нагрузки, про несущие, а он мне – картинку. Да если бы я умела, я бы ему таких сорок штук нарисовала, не вставая с дивана.

Зоя кивнула и отпила кофе из чашки.

– Поняла. Вам нужен тот, кто вместе с вами будет рисовать арки с треугольниками, но рисовать будет, сообразуясь с несущими и направляющими, так?

– Точно! И чтобы на крик клиента «а у меня дизайнер!»...

– Вы могли с чистой совестью ответить: «У меня тоже. Вот». И ткнуть в меня пальцем.

– Рада, что вы понимаете! Да, мне нужен единомышленник. Который сразу мог бы дать общий план, концепт, потом нарисовать картинку, много картинок, менять их по мере необходимости, помогать с подбором материала; но главное, да, вы правы – чтобы он был на моей стороне. Не потому что я тут царь и бог, а потому что это в интересах клиента. Стены должны стоять, это их основное назначение. Они – защита и опора, а не материал для делания в нём дырок.

– Мне придется переехать к вам в город?

– Желательно. Это сложно?

Зоя засмеялась.

– Нет. Я космополит. Дети у мамы в Сибири, в моей квартире живет бывший муж. Ещё у меня есть кусок морского берега, там стоит половина недоделанного дома, а сама я жи-

ву недалеко от него, в съёмной квартире. Такая вот ерунда.

– Меня смущает дом. Вы способны его бросить?

– Я способна его продать – при необходимости. Кусок берега стоит дорого. А если подождать до лета – он ещё взлетит. Я терпелива. Подожду. А присмотреть за ним есть кому, если что.

– Тогда дайте знать, как освободитесь. Я вас заберу, с вещами у выхода.

Алевтина робко кашлянула.

– Если вы закончили...

– Да, – ответила Зоя, – вернёмся к Глаше. Сейчас вы, Аля, собираете вещи. Самое необходимое. И Лёля всё это выносит и кладет к себе в машину. И уезжает. Куда-нибудь. Есть, пить кофе, смотреть кино в кинотеатре. Потом к оговорённому времени, например часам к трём, приезжает к больнице. Там тоже паркуется у какого-нибудь кафе и садится пить кофе. Или можно чай, к примеру. Мы же с вами выходим после Лёли, садимся в мою машину и едем в больницу. Там вы идете к Глаше, без меня, пешком, сами, через обычный общий вход. Потом, около трёх, созваниваетесь с Лёлей и выходите. Она вас забирает, и вы уезжаете с ней. Это всё.

– А как же Глаша? Она не поедет с нами?

– Нет, конечно. Она должна быть здесь. На виду. Мы же с вами это обсуждали. Ей не смогут помочь, если она уедет.

Аля закрыла лицо руками.

– Я боюсь. Как я её оставлю? А вдруг?

– Никаких вдруг. Все вдруг будут, если вы начнете самовольничать. Тогда будет вдруг. Будете слушаться – всё будет хорошо.

Алевтина обречённо обвела взглядом комнату.

– Я буду вас слушаться.

– Это правильно. Собирайтесь.

Аля поднялась со стула, пошла к шкафу и остановилась.

– Зоя, простите, я только сейчас сообразила, я не могу уехать.

– Почему?

– У меня анализы, – пролепетала Алевтина, – у меня анализы готовы, мне их отдать надо, и на прием я хотела.

И покосившись на Лёлю, как-то невпопад добавила.

– Простыла я тут... вот, кровь, мочу сдавала, всякое там, как положено.

– Дошла-таки, – проворчала Лёля. – Ну слава Богу.

Зоя протянула руку.

– Давайте мне ваши анализы. Я отнесу их вашему онкологу. Заодно и спрошу его про Глашу – что он по этому поводу думает?

Аля позеленела и съёжилась. Лёля вскочила на ноги.

– Кому-кому?! Онкологу?! Аля!

Она повернулась к Алевтине. Та села обратно на стул и закрыла голову руками.

– Прости, Лёль. Я не хотела тебе говорить.

– Вы не знали? – повернулась к Лёле Зоя. – Я думала, вы

в курсе. Простите меня, Алевтина. Я даже не предполагала...

– Так вот что, – перебила её Лёля, – вот в чём дело! Ты поэтому просила на кресте поклясться? Поэтому просила Глашку не оставлять? А она – тебя? И тоже – поэтому? Тихушницы чёртовы! Чтоб вас! Хорошо, чужой человек сказал. Вот так бы сейчас и налупила обеих!

Она треснула кулаком по шкафу. Тот обиженно заскрипел.

– Заткнись! – рявкнула Лёля.

Шкаф затих. Зоя засмеялась.

– Ладно, проехали. Давайте собираться. Аля, ну где ваши анализы? Несите их сюда. Будем с вами созваниваться регулярно. Я попрошу вашего врача порекомендовать вам кого-то, ну там, куда вы поедете, там же должен быть какой-нибудь приличный онколог.

– Хотя бы один есть всегда, – неожиданно отозвалась ей Лёля. – Закон жанра.

Вся эта путаная комбинация из встреч и разъездов прошла для Зои неожиданно гладко – и это был хороший знак. Значит они, все трое, были на правильном пути и делали правильные вещи. Зоя любила, когда происходили такие совпадения, словно кто-то последовательно собирал диковинный конструктор, где каждая новая деталь появлялась в поле зрения только после того, как была правильно построена предыдущая. Судьба словно сдавала карты всему

окружающему миру, и он выкладывал их так, что получалась абсолютно четкая последовательность, от двойки до туза и совпадающая, вдобавок, по мастям.

У неё один раз так случилось, ещё в ту пору, когда она не работала в «Раю». Она только-только побелила потолки, покрасила стены на кухне, и теперь раздумывала – сделать ей по горячим следам ремонт в одной из комнат или подождать? Нетерпение гнало Зою вперёд, ей хотелось успеть до середины июня, до своего отпуска, потому что Ольга Валентиновна, соседка из квартиры напротив, с которой Зоя немножко дружила, предложила ей отдохнуть у неё на даче. Им обеим это было бы выгодно. Зоя в кои-то веки получала отдых на природе: дом Ольги Валентиновны стоял прямо на берегу озера, протянувшегося меж двух холмов, утыканных густыми елями и сосняком. За холмами стлались во все стороны покосы, а там, где шоссе проходило почти рядом с озером, был небольшой посёлок, домов на двенадцать, с почтой и продуктовым магазином. Сюда даже заезжал рейсовый «ПАЗик»¹⁰ – раз в сутки, а по выходным – два раза. Соседка же получала возможность наконец-то съездить к матери в соседний город. Она давно хотела, но ей не с кем было оставить своих пуделей – двух очень возрастных и очень капризных особ. А Зою собаки знали, любили, и слушались беспрекословно.

¹⁰ «ПАЗик» – легендарный советский автобус, который производили на Павловском автобусном заводе (сокращённо – ПАЗ), в г. Павлово Нижегородской области, с 1952 года. Выпускается до сих пор.

Да и управляться с ними за городом было куда удобнее – участок большой, забор прочный, можно было с утра выпустить, а вечером обратно в дом загнать. С другой стороны, дача соседки была всё же далековато, сообщение – сложным, а связь – ни к чёрту. Отправляться туда требовалось уже скоро, через какие-то две недели, а на то время приходился день рождения одного из друзей их семьи – и она его, выходит, пропускала. Николай ходил недовольный, друг тоже дул губу. И Петю на дачу брать она не хотела, случись что – быстро из этой деревни не выедешь. Но соблазн отдохнуть от города и плюс «ребёнок на свежем воздухе» – этот соблазн был огромен и покамест всё перевешивал.

И вот буквально за день до того, как она собралась звонить мастерам, приехала её коллега и выпросила пленку, закрыть мебель, пока у неё дома будут травить тараканов. Пообещала вернуть буквально завтра, а потом позвонила и, извиняясь через слово, сообщила, что у неё аврал, завал, девятый вал, и привезет она пленку только через неделю или полторы. Зоя перематерилась, и собралась идти в магазин за новой порцией полиэтилена, решив, что лишним он не будет, но потом поленилась и отложила до завтра. Назавтра она проснулась от оглушительного воя перфоратора выше этажом. Соседи не дождались её ремонта и начали свой собственный, пообещав закончить самую громкую часть, проводку, дней через десять. Её ремонт, таким образом, плавно переезжал на то время, когда нужно было отправляться

на дачу. Отменять процесс благоустройства было не с руки – она уже дала задаток и купила часть материалов, ждать ещё год тоже не хотелось. Соседке пришлось отказать. Петя, который совершенно не желал ехать и жить почти месяц где-то в лесу, облегчённо вздохнул, Николай повеселел, а его друг просветлел лицом. И вот, ровно в тот самый день, когда она должна была трястись с котулями на рейсовом автобусе, раз в два дня отправлявшемся с автовокзала в соседкину глушь, Зоя отплясывала вместе с мужем в одном из самых дорогих ресторанов города. В ту ночь, кстати, был зачат Лёвушка, что граничило едва ли не с чудом, ибо Зое уже не первый год ставили бесплодие. И слава Богу, что она не перенесла ремонт комнаты на следующий год, ибо тогда вряд ли она вообще смогла бы организовать его в обозримом будущем.

Итак, одно из дел было сделано – Лёля увезла Алю. Вернувшись домой, Зоя позвонила в клинику, где работал отец Глашиного ребенка, известный на весь город онколог Крымушкин, у которого наблюдалась Алевтина. Регистраторше Зоя сказала, что готова заплатить и за приём, и за срочность, и даже двойную цену, но ей очень надо, вот просто очень, вопрос жизни и смерти. Её властный тон и упёртость, в комплекте с изысканно-витиеватой манерой выражаться, так часто доводившей Марка (и не только его) до белого каления, увенчались успехом; ей было предложено прийти завтра, третьего января, в четыре часа дня, и она милостиво согласилась.

6. Вечер в ресторане. Всё ещё 2 января

Подарок Лиде Марк купил в небольшом магазинчике, дверь в дверь с рестораном. Тёплая шаль красивого тёмно-розового цвета, с вышитыми гладью птицами и цветами, в духе старинных китайских халатов. У его матери был таковой, подбитый толстым слоем марли, на нём были вышиты пагоды, деревья, несколько тигров, до ужаса настоящих, и огромный дракон с желтоватым брюхом и длинной шеей. Мама закутывала его в этот халат, когда он болел, и он часами разглядывал его и придумывал разные истории про себя самого в роли воина, который охранял эти пагоды, прятался за деревьями и побеждал тигров и дракона. Шаль напомнила ему детство, он счел её добрым знаком, предвестником будущей удачи, и успокоенный, спрятал подарок в багажник, закрыл машину и вошел в тяжёлые стеклянные двери уютного «Bellissimo», самого дорогого и самого утончённого по убранству и кухне, ресторана в городе. Публика, разумеется, была далеко не так прекрасна, как архитектура и повара, но в эпоху тотально победившего мещанства (как определял современное ему время Иван Ильич Бланшар) так было повсюду. Бланшар утверждал, что так было вообще всегда, и только Средневековье, с его культом личности, могло (пусть и с оговорками) быть внесено в исключения, мещан-

ство же, как одна из самых примитивных форм камлания золотому тельцу, исключений не допускало. Впрочем, Марка это мало заботило, он как раз желал золота и продал бы всё и вся, дабы получить желаемое, вот только никто пока не желал брать то, что он был готов предложить. Но может быть, сегодня что-то изменится? Должно же ему когда-то повезти! Так почему бы этому не произойти прямо сейчас?

Он отдал пальто, отряхнул волосы от мокрых маленьких снежинок и начал медленно подниматься по лестнице, вдоль резных перил и кадок с растениями, что стояли по краям лестницы. Через каждые пять ступенек, следующая – шестая – была как маленькая площадка, чуть шире своих сестер, и на ней по бокам стояли кадки с фикусами или китайскими розами и тут же – пепельницы в виде шаров, водруженных на треноги. На последней площадке были выставлены тяжёлые плетёные корзины, в которых росли карликовые апельсиновые деревья. Вход в зал был задрапирован широкими соломенными лентами, свисавшими сверху в беспорядке, впрочем, весьма художественном и тщательно продуманном. На лентах сияли звезды и снежинки из блестящей фольги, они не были слишком длинными, и посетители должны были лишь слегка наклонять голову, проходя под ними, и то это относилось в основном к мужчинам, и только если их рост превышал общепринятый средний. Марк наклонил голову, он был почти метр восемьдесят пять. Одна из лент скользнула ему по волосам, он от-

вел её рукой. Вошёл, остановился, огляделся. Их столик был в самом дальнем углу зала, сбоку эстрады, оттуда было удобно наблюдать за посетителями. Он любил сидеть там и любил проходить к столику – путь вёл через весь зал, можно было прodelывать его медленно, здороваясь со знакомыми, целуя руки женщинам, внимательно присматриваясь к окружающим. И разумеется, особым удовольствием было ловить на себе одобрителные или заинтересованные взгляды. Взглядов неодобрителных тоже хватало, но ими следовало пренебречь. По крайней мере, на публике.

Сказано же: «завидуйте молча». Вот и завидуйте.

Он усмехнулся, стряхнул невидимую пылинку с плеча и шагнул вперед – под свет больших хрустальных люстр, низко свисавших с чёрного, усеянного мириадами искринок, потолка.

Кира внимательно осматривала зал. Он что-то ужасно напоминал ей. Это огромное пространство, густо уставленное круглыми столами и длинными, прямоугольными, и колоннада по всему периметру, за которой прятались ещё столики, теперь уже небольшие, на две-три персоны. Они стояли вдоль стен, и перемежались бархатными диванчиками. К диванчикам прилагались одноногие изящные столики с вделанными в них пепельницами, вместе они образовывали уютные уголки для курящих. Ещё был балкон, опирающийся на колонны, тоже по всему периметру, разделённый деревян-

ными узорными решётками на ниши, где тоже были столики, но уже на четыре или шесть персон. Решётки были увиты лианоподобными растениями, живыми, сколько она могла разглядеть. И балкон этот подозрительно напоминал хоры в филармонии, куда она попала в далеком детстве, приехав в гости к отцовской родне. И сам зал жутко смахивал на тот, из прошлого, если бы кому-то пришлось в голову сделать в нём ресторан. Они теперь смотрелись бы как братья-близнецы.

Ужас был в том, что в Л., где она и отец жили с тех пор, как уехали из Н., так, собственно и сделали. Правда, к счастью, не из самого концертного зала, а всего лишь из центрального холла, где когда-то были большой гардероб и главный вход. А второй вход, боковой, невзрачный, где они потом, уже студентами, курили под лестницей, ожидая, пока меломаны разберут свои шубы и шапки, из запасного стал центральным. Билетные кассы переехали за угол, в район служебного подъезда, а в зачищенном от поклонников классики пространстве поселился помпезный ресторан под названием «Барская усадьба». Он, как гангрена, отсек от храма Искусств кусок его плоти и превратил обиталище муз в трактир. Усугубляло ситуацию то, что стены филармонических фойе по-прежнему выглядели так, словно на дворе были послевоенные пятидесятые, а единственным отремонтированным местом стал дамский туалет, где невероятно увеличилось число кабинок. Кире почему-то казалось, что сделано это было совсем не для удобства любителей музыки, а ради посетителей

ресторана, и тогда получалось, что мужской сортир тоже отремонтировали. Почему ей так назойливо лезли в голову эти мысли – она не знала, но чувство гадливости её не покидало, и в филармонию она ходить перестала. Ей было отвратительно даже думать о том, чтобы пойти. Здесь же, в Н., власть оказалась более великодушна и не стала уродовать искусство по мелочам. Она просто выселила то, что было здесь раньше – наверное, это был концертный зал. Странно, что она этого совсем не помнила, а с другой стороны, она же не была тут ни разу, пока жила в Н. с родителями. Да, похоже, это был именно концертный зал, вот и эстрада эта – она ведь не новая, она явно одного возраста с помещением.

Кира наклонилась к спутнику.

– Не помнишь, что здесь было раньше?

– Здесь? – он пожал плечами. – Нечто вроде филармонии. Концерты местных исполнителей, по праздникам – заезжие звёзды второй-третьей величины, ну и тому подобное. Но её давно закрыли.

– Значит, в Н. больше нет филармонии?

– Увы. Но есть театр, даже два. И Концерт-Холл. Но он, такой, современный. А этот особнячок отдали под ресторан.

– Но это же культурный объект! Он же, наверное, где-то на балансе?

– Ну, официально этот культурный объект до сих пор существует. Но называется уже как-то по-другому, и находится в другом месте. Конечно, там здание попроще, и от центра

дальше, но говорят, так стало удобнее. Там и зал, говорят, больше и акустика лучше. И комнаты для репетиций присутствуют, большие, а не клетушки, как тут были. И отопление, и водопровод в приличном состоянии. А тут всё на ладан дышало – вот и отдали в частные руки. Они тут порядок и навели. Теперь в туалетах – как в музеях. Красота!

Кира брезгливо сморщилась. Она не хотела идти сюда, она вообще не хотела в ресторан, но Семён был давним поклонником, другом семьи, его очень любила её мама, Нелли Григорьевна. Мама умерла в мае 2009-го. Кира не смогла приехать попрощаться, она в тот момент как раз должна была лететь на другой конец земного шара, в Австралию в долгую командировку, и день маминых похорон она провела в самолёте над материковой Евразией и островами Тихого океана. Вернулась не так давно. Отец просил её поехать, она и сама хотела, но думала после Нового Года. А он настоял. Ничего, мол, со мной не случится, съезди, она там одна. Она сначала даже не поняла, о ком он. Потом догадалась, что о маме. Даже умершая, она до сих пор была живой для него. Он всё ещё казнил себя, что уехал тогда, в Л., к своей родне и к дочери, которая училась там в университете, на филологическом. Ему тогда и работу предложили по специальности, и с квартирой обещали помочь. Он был физик-оптик, отличный специалист, но осел в Н., влюбившись в Нелли, тёмноволосую мечтательницу, писавшую стихи и курившую мужские папиросы.

А Нелли не поехала. Сказала, что ей и здесь хорошо. Сказала, пусть к ней на лето приезжают. И ещё сказала, что любовь это не про то, чтобы жить в одной квартире. Ему нужно ехать и работать, здесь для него применения нет и не будет. Кире учиться надо. А ей самой в большом городе делать нечего. Ей там будет тяжело. Она хочет смотреть на море и писать стихи. И читать. И мечтать. И ей много не надо. Она там будет только мешать и печалиться. Поэтому их судьба – ехать, а её – оставаться. Мол, раньше люди часто так жили – и ничего. И Кира с отцом уехали. Она приезжала к ним в гости, они гуляли, ходили в театры, потом она уезжала, и они приезжали к ней. И снова гуляли, ходили к морю и в театр, и говорили, говорили бесконечно. Удивительно, но им было хорошо и вместе, и порознь. Странная была у них семья, но главная странность была в том, что хоть они и были в последние годы в разлуке, они чувствовали себя единой семьей, и ни один из них не мог объяснить, как им это удавалось.

Семён заговорил с подошедшим официантом – нужно было выбрать вино. Выбор был велик, а Семён придирчив. Предоставленная самой себе Кира скучливо рассматривала публику. Ей было смешно и немного неловко от этого. Дамы в шуршащих платьях в пол, расшитых пайетками, были похожи на змей в золотой и серебряной чешуе – тощих и агрессивных или толстых и благодушных. И все они носили «смоки айз» и кровавые помады, а к пальцам, униженным кольца-

ми, прилагались синие, чёрные или бордовые ногти, накладные, нарощенные – у кого как придется. Все дамы почти поголовно были в туфлях или босоножках – с бантами, пряжками, стразами, все на немыслимых каблуках, и все как одна совершенно не умели на них ходить. Кира посмеивалась про себя: глупышки, вы же сами себя уродуете. Впрочем, попадались и хорошо одетые, ладно причёсанные, умело покрашенные – но эти явно были ближе к разряду эскортниц, нежели дочерей и супруг. Что до мужчин, то они, увы, смотрелись как сущий кошмар. Дамы хотя бы изображали некоторую видимость светских манер, представители сильного пола вообще не заморачивались на этот счёт. Она подумала, что через пару бокалов придется просить Семёна увести её отсюда. Обещанного джаз-бэнда¹¹ она дожидаться не планировала, с такими соседями это была бы пытка.

Тут её внимание привлек высокий брюнет с густыми волнистыми волосами, в отлично сшитом костюме, очень тёмного, глубоко-синего цвета, и в галстучке почти чисто-белом, с легчайшим отливом в голубой тон – таким бывает небо в жаркий полдень. Брюнет шёл через зал уверенной походкой, оборачиваясь к сидящим за столиками и раскланивался с теми, кто приветствовал его. Что-то знакомое почудилось ей, где-то она его уже видела. Кира дернула Семёна за рукав.

– Кто это?

Он нехотя оторвался от винной карты.

¹¹ jazz band – джазовый коллектив.

– Где?

– Вот. Тёмноволосый, в синем костюме, вон у того столика.

– А-а! Важная птица. Гольц, Марк Матвеевич. Правая рука одного из местных боссов. Ты должна его помнить. Он, кажется, был крестником у твоей мамы.

Это Кира помнила. И Марка она помнила. И его сестру, Катю. И тот скандал, который закатила её маме их мамаша, полоумная Камилла Эдуардовна, когда обвинила Нелли Григорьевну в ненависти к ней и к её мужу Матвею Ефимовичу и ещё в чёрной зависти и неблагодарности, и просто выгнала тогда из своего дома. Тогда тоже были новогодние праздники, кажется, даже Рождество, и мама пошла к Гольцам, поздравить, подарить подарки крестникам. Вернулась она неожиданно быстро. Тушь растеклась под глазами, морковная помада, её любимая, была размазана по лицу, словно она утирала рот, забыв, что накрасила губы. Она странно вздрагивала плечами и как-то подозрительно хлюпала носом. Сказала, что замёрзла и что, кажется, простыла, как-то рывком поцеловала Киру и закрылась у себя в комнате. Кира поскреблась в дверь, но отец взял её за плечи и увёл на кухню.

– Она, кажется, плачет, – сказала Кира тогда. – Я только спросить хотела, может принести что-то... может, чай или...

– Не надо ничего, – ответил отец, – оставь её. Раз она плачет – значит, ей это сейчас надо. А чай... успеет выпить. Ты

просто завари свежий и поставь здесь в чайничке и укутай его получше. И конфет положи. И записку напиши.

– Какую записку?

Он улыбнулся лукаво.

– Напиши: «Милой мамуле».

– И всё?

– И всё.

Утром, когда Кира вышла на кухню, листок бумаги лежал у её чашки и на нём было штук десять отпечатков губ, накрашенных морковной помадой. И надпись шариковой ручкой: «Моей любимке».

«Вот и поговорили», – смеялся потом отец. И Кира с мамой тоже улыбались.

– Я его помню, – сказала Кира. – А что это он один? А где Катя?

Семён как-то странно хмыкнул. В этот момент Марк поравнялся с их столиком. Семён поднял руку в приветствии, Марк остановился, внимательно взглянул на Киру.

«Кажется, и он меня узнал», – мелькнуло у неё.

– Я вас где-то уже видел, – произнес он, протягивая ей руку.

Она подала свою, он вежливо коснулся её пальцев.

– Я Кира. Кира Лебнитц. Если помните, конечно.

Он нахмурился, потом лицо просветлело.

– Вы – дочь тёти Нели. Конечно, я вас помню. Какими судьбами? Вы позволите?

Он указал на стул. Семён согласно закивал головой.

– Конечно, конечно. Прошу. Я тогда отойду ненадолго.

Кира, сейчас вино принесут, я отлучусь, если ты не против.

Она улыбнулась. Семён исчез за свисающими над входом лентами, Кира проводила его взглядом и повернулась к Марку.

– Как поживаете, Марк? Как Катя?

И вдруг, поддавшись злomu порыву, выпалила:

– Как Нагмани? Нашли?

Он помрачнел.

– Нет.

– Как же так? Всё детство искали! – уколола она его снова.

Он поджал губы, и что-то нехорошее мелькнуло в его взгляде, но он быстро взял себя в руки, заулыбался дружелюбно.

– Да разве мы искали? Так, ползали везде, где могли протиснуться. Только одежду рвали об щепки да гвозди. Мы же не понимали толком, что ищем. Маленькие были. Я уже думал, что может и не было никакого Нагмани, может, родителей просто обманули.

– А его и не было, – отрезала Кира, – только не родителей обманули, а это они вас обманывали. Сказки вам рассказывали, чтобы вы под ногами не мешались.

Он покачал головой.

– А зачем им это? Мы, кажется, не досаждали им совсем.

– Катерина – да, а вот вы, Марк Матвеевич, бесили их

до белых глаз. Капризны были, заносчивы, истерики закатывали, всё время чего-то требовали. Вот вас и отправляли сокровища искать. Пока вы их искали, вы мать с отцом не доставали, а напозавшись, уставали и сил бузить уже не имели.

Марк изумленно смотрел на неё.

– Не понимаю, откуда вы... С чего вы взяли? И причем тут Нагмани?

– А притом, что сказка это. Нет никакого Нагмани, никакой жемчужины. И не было никогда.

– Откуда вы знаете?

– Так ваша мама сама об этом сказала. Моей маме. Они тогда и поругались в хлам. Моя мама сказала, что нехорошо детей обманывать и мужа. Потому что Матвей Ефимович тоже думал, что эта жемчужина существует, а её не было. Её ваша мама придумала, чтобы он на ней женился. И Камилла Эдуардовна маму мою потому и выгнала, чтобы потом сказать, если что, будто все эти рассказы, что Нагмани нету, моя мама придумала сама, чтобы отомстить ей за то, что она её выгнала и больше не общается.

– А зачем ей было это рассказывать?

– Она выпила тогда много. Праздник же был, Новый год, кажется. Она, наверное, не хотела, случайно вышло. Бывает.

Марк молча поднялся из-за стола. Кира прищурилась. Переборщила, кажется. Нагородила чепухи. Сейчас посмеётся над ней. Скажет, ты сама – дура пьяная, раз такую пургу

несёшь. И будет прав, если начистоту. Из её версии белые нитки торчат, как из ежа иголки. Ну, понятное дело, она ж не готовилась, на ходу, что попало, придумала. Она попробовала его притормозить.

– Ты не сказал, как там Катя? Я бы хотела её увидеть.

– Нет, – ответил Марк и стремительно пошел к выходу из зала.

Рядом возник Семён.

– Вы что, поссорились? Что случилось?

– Ничего. Я спросила, что с Катей, а он взял и ушёл.

– Катя больна, – ответил ей чей-то голос. – Она не ходит, у неё отнялись ноги. Но если вы желаете увидеть её, я мог бы вам помочь.

Голос был очень красив и принадлежал мужчине, причём явно в возрасте. Кира подняла голову. Так и есть. Около пятидесяти, скорее даже за пятьдесят. Хорошо сложен, подтянут, очень импозантен. Тёмные волосы как пеплом подёрнуты, очень впечатляюще, стрижка – волосок к волоску, глаза серые, рот крупный, волевой. Орлиный нос, высокий лоб. Подбородок чётко очерчен, руки ухоженные, сильные, сухощавые. Красивый дядька, и одет великолепно. Ботинки – мечта поэта, замша такая мягкая, смотрится словно бархат. Чёрт, почему для женщин из такой кожи не шьют обувь?! Так и хочется спросить, где брали.

– Это местное производство, – пояснил мужчина, проследив, видимо, направление её взгляда. – Можно?

Семён аж подскочил со стула.

– Господи Боже, Иван Ильич! Да, конечно, конечно, я счастлив, садитесь, конечно, обяжете... Официант! Да где же он? Вино же, принесли вино-то?

– Принесли, принесли, – эхом откликнулся ему Иван Ильич и взял бутылку за горлышко. Потом повернулся к Кире.

– Ну что, за знакомство? Вас ведь Кирой зовут? А меня – Иван Ильич. Давайте, я налью вам.

Кира подставила бокал. Семён обмяк на стуле. Вид у него, подумала она, словно сам Зевс сошёл к нему с Олимпа поработать виночерпием.

Собственно, так оно и было. Просто Кира была не в курсе местных раскладов, зато весь зал уже оценил происходящее и точно так же обмяк вслед за Семёном.

– Ваше здоровье, милая Кира. С Новым Годом вас. Вы уверены, что действительно хотите видеть Катю?

Кира усмехнулась.

– Если бы не хотела – не спрашивала бы.

– Тогда встретимся завтра. Сегодня уже поздно. Катя – почти инвалид, засыпает очень рано. Завтра я отвезу вас к ней. Я пока не знаю, во сколько. Давайте созвонимся, хорошо?

– Конечно, – с готовностью ответила Кира, – у меня на завтра нет планов. Во всяком случае, тех, которые нельзя было бы отменить. Я должна ждать вашего звонка – правильно?

Он засмеялся.

– Правильно. Вы умница. Я позвоню в первой половине дня, после двенадцати, и решим. Напишите мне свой номер.

Кире под руку лёг маленький изящный квадратик, металлический, похожий на портсигар. К нему, с одной стороны, на цепочке крепилась маленькая тоненькая шариковая ручка, похожая на стило – древнюю палочку для письма. Она открыла защёлку, откинула крышечку. Внутри лежала стопка белых листочков, гладких, глянцевых, склеенных по верхнему краю, на манер отрывного календаря.

Она изумлённо посмотрела на Бланшара. Тот улыбнулся, и кивнул.

– Пишите, Кира. Пишите ваш номер телефона.

Семён молча и сосредоточенно сопел, наблюдая за этой картиной. Зал вокруг тоже странно притих. Кира написала десять цифр и протянула блокнотик новому знакомому. Тот покачал головой.

– Нет, мне только листок. Оторвите, пожалуйста.

Она оторвала листочек, протянула ему. И вновь подняла со стола изящную игрушку, чтобы вернуть её владельцу.

Новый знакомый ласково, но твёрдо отстранил её руку.

– Я хочу, чтобы вы оставили это себе. Как новогодний презент. И позвольте мне выпить за вас. И примите ещё вот это.

Он подозвал кивком головы официанта, стоявшего невдалеке, и показал тому винную карту, ткнув одну из строчек. Тот порозовел, вытянулся весь, как в строю на параде, только что каблуками не щёлкнул. После чего метнулся в сторону

и исчез за драпьями, что скрывали от взоров публики служебный ход.

– Вино сейчас принесут. Ваше здоровье, Кира! И ваше, Семён Андреевич.

Семён налился краской и словно вырос вдруг.

– Иван Ильич!! У меня нет слов!

– И не надо. Оставляю вас друг другу. До завтра, дорогая Кира. Я завтра вас найду, так или иначе. Желаю хорошего вечера.

Растерянная Кира сидела и смотрела – сначала на него, потом ему вслед. Потом она долго смотрела на блокнот. Принесли вино. Дорогущее. Итальянское. Бутылка чуть не в паутине. Открывать пришел метрдотель, официант не рискнул сам, а может, ему не доверили. Семён сопел, зал молчал. Молчал уважительно. Кира, наконец, отмерла.

– Сеня, он же золотой, – потрясённо пробормотала она.

– Кто? – ворохнулся Семён.

– Блокнот этот, дурья ты башка! Блокнот – золотой. Ну, или позолоченный. Футляр, я хочу сказать. И ручка эта – тоже. Но тогда металл, как минимум, серебро. Сеня, кто это был?

Семён нервно оглянулся.

– Кир, я тебе потом расскажу.

– Сейчас.

– Хорошо, сейчас. Но не здесь. Пойдем отсюда.

– А вино? Мы вино с собой возьмем? Он же его подарил.

Семен беспомощно посмотрел на метрдотеля, который всё ещё дежурил у их столика. Тот наклонил голову.

– Нет проблем. Сейчас велю закупорить и приготовить к транспортировке. Вы на машине или пешком?

– Мы пешком, – ответила ему Кира.

Метрдотель нахмурился.

– Его пешком нести нельзя? – сдвинула брови Кира.

Метрдотель вздохнул.

– Можно, но не нужно. Я вызову вам такси.

Она хотела что-то сказать, но он поднял руку в белой тужурной перчатке.

– Это за счёт заведения. И счёт за вечер – тоже. Может быть, ещё что-то... – он помедлил, – завернуть прикажете?

Кира вздернула нос.

– Мы не нищие. Спасибо за заботу.

А потом устала локти на стол, сплела пальцы, оперлась на них подбородком и смешливо заметила:

– А теперь отправляйте нас быстрее, пока я не передумала.

Марк не вернулся в ресторан. Его ждали – он знал это, и он ждал этого праздничного обеда. Он любил бывать в «Bellissimo», но сейчас он желал только одного – оказаться как можно дальше отсюда. Он не сел за руль, хотя и был трезв. Он пошел пешком. Ему звонили – он не отвечал на звонки. Потом выключил звук в телефоне. Потом,

наконец, позвонил сам одной из приглашённых, Эле, своей недавней пассии, с которой познакомился пару месяцев назад и ещё не успел рассориться, и попросил не беспокоить его звонками и извиниться перед компанией.

– Ты заболел? – ошеломлённо выпалила Эля. Она, собственно, хотела спросить – «Ты сошёл с ума?», но воспользовалась иносказательной формой, а он, в свою очередь, тут же использовал её оговорку, как подсказку.

– Да, – невозмутимо ответил он, – я заболел. Поджелудочную прихватило. И дышать что-то тяжело. Даже за руль садиться не рискнул. Сейчас дойду до дома и лягу.

– Может, врача? – ничего не поняв из его объяснений, спросила Эля.

– Может, и врача, – согласился Марк, – сначала таблеточки только съем. А не поможет – тогда врача. Всё, отключаюсь.

– Я тебе завтра позвоню, – выкрикнула Эля в трубку.

– Позвони, – ответил он и нажал на кнопку завершения вызова.

Ещё через несколько минут он стоял у подъезда своего дома. Медленно открыл тугую дверь, медленно поднялся по лестнице. Прошел мимо двери Катиной квартиры, дошел до своей. Постоял, подумал и пошел вниз. Холодная ярость бурлила в нём. Ему нужно было на кого-то выплеснуть её. Или поговорить с тем, кто мог бы её утишить – хоть ненадолго.

Он не стал рассказывать Катерине о встрече с Кирой – это было лишним, это было не важно. Он просто задал Кате главный для себя вопрос:

– Как ты думаешь, Нагмани существует?

Сестра воззрилась на него в изумлении.

– Марик, это же сказка!

Он помотал головой.

– Я не так выразился. Я хотел сказать, та розовая жемчужина, которую мы искали всё детство – она существует? Как ты думаешь?

Катя внимательно смотрела на брата. Он расстроен. Наверное, он всё-таки думал, что она есть, что она просто куда-то завалилась, далеко и глубоко, и поэтому они никак не могут её найти – до сих пор. Впрочем, они много лет и не искали её, и даже не вспоминали, разве что как часть семейной истории, как предание, идущее из уст в уста, от одного поколения к другому. Неужели он рассчитывал, что она найдется, что она существует? Хотя... мужчины – романтики, они не вырастают, так и остаются мальчишками в душе, кто – пятилетними, кто – чуть постарше. Надо ответить ему, но так чтобы не ранить, помягче как-нибудь, вон у него лицо какое!

Она откашлялась.

– Не знаю, Марик. Правда, не знаю. Но мне кажется, её никогда не было.

Он вскинул голову. Резко так. Да, похоже, он и впрямь

думал, что эта розовая кобра – реальность.

– Почему? Почему ты так думаешь?

– Ну, мы же искали её столько лет, ты вспомни! Мы же всю квартиру исползали, всю мебель обтёрли, столько одёжек на старых гвоздях понаоставляли. Неужели ты думаешь, что мы не нашли бы её, если бы она где-то была? Нет, братик, не было её, я уверена. На все сто, честно!

– Тогда почему? Почему нас заставляли её искать? Зачем? Зачем нам рассказывали про это мнимое сокровище?

Он уже кричал. Катя успокаивающе протянула руку, погладить его, дотронуться, но он сидел далеко, она не могла дотянуться, тогда просто похлопала по одеялу, привлекая его внимание.

– Марик, пожалуйста, успокойся. Не кричи так, прошу тебя. Я не знаю ответа на твой вопрос. Но мне кажется...

Он перебил:

– Да, да! Что? Что тебе кажется?

– Мне кажется, нас просто занимали таким образом. Ты вспомни! Папа был всё время занят, и мама тоже. Мама была занята домом и папиными делами. Она ведь очень любила его, помнишь?

Это он помнил. Помнил, как обижался и ревновал в детстве – ему казалось, что мама уделяет отцу слишком много времени, он хотел, чтобы она всё время была с ним, с Марком, а она слишком часто повторяла: «Отцу нужно», «отец хочет», «я должна сделать для отца, а потом...». Так было

всё время. Сначала отец, потом – Марк. Марк считал это неправильным. Хотя сегодня, по зрелом размышлении, он вряд ли согласился бы с собой, тогдашним.

– Ну вот, – продолжала Катерина, – они нас так и занимали. Чтобы мы играли и не мешали им. Маме и папе. У нас ведь даже игрушек из-за этого почти не было. Они были не нужны – у нас вся квартира была одной большой игрушкой. Они разрешали нам ползать везде. У других в квартирах мимо мебели нужно было ходить как на плацу, с прижатыми к бокам руками, а мы и в шкафах прятались, и в комоды, в ящики заползали, и что только не вытворяли! И нам всё сходило с рук.

– Я думал, это потому, что мы ищем эту жемчужину. Ну, что она такая дорогая, что вся эта мебель в сравнении с ней – хлам.

– Она и была хламом, Марик. Неужели ты думаешь, нам бы разрешили ползать там, если бы она чего-то стоила? Я имею в виду, если бы она годилась для продажи? Нет, конечно. Нам потому и разрешали там беситься, что она могла пойти разве что на дачу, а потом в печку. А сказку про Нагмани нам когда-то рассказала тётя Неля, и мы стали называть этим именем наш мифический клад. Вернее, тётя Неля рассказала эту легенду маме с папой, а они – уже нам.

– Почему ты думаешь, что это была она?

– Потому что она очень любила все эти восточные легенды. Она и сама писала сказки и стихи. Я не помню, на самом

деле. Просто мне кажется, что так было. Но розовой жемчужины никогда не существовало в действительности. Хотя бы потому, что Нагмани, камень змей, или нагов, как их называют в Индии, это не жемчужина, а огромный алмаз. И кажется, совсем не розового цвета. Не знаю. Я думаю, он, возможно, похож на тот жёлтый алмаз из романа «Лунный камень». Может быть, это он и есть. В смысле, что Коллинз как раз и описал в своём романе этот Нагмани. Только у него не сказочные змеи охраняют камень, а брахманы-жрецы, служители Шивы. Там же в романе как раз про четырёхрукого бога. А у Шивы – восемь рук. Конечно, Коллинз не мог написать напрямую, он же придумывал свою собственную легенду, но основывался-то он на фактах. Потому что как раз в Сомнатхе, или Сомнауте, как он назван в романе, находится один из главных храмов, посвященных Шиве. Именно этот город был разграблен мусульманами в одиннадцатом веке, об этом тоже пишет Коллинз. И возможно, он называет алмаз Лунным камнем именно потому, что по легендам Нагмани имеет то ли жёлтый, то ли оранжевый цвет. А почему ты спрашиваешь?

– Мне просто стало интересно.

Он по-прежнему не хотел говорить про Киру. Теперь особенно. Потому что всё, о чем только что сказала Катя, только подтверждало слова Киры. Их просто обманули. Не было никакого Нагмани, не было никакой жемчужины. Были две сумасшедших тётки – одна придумывала какие-то сказ-

ки, а вторая внушала их детям.

– Ты знаешь, – проговорила вдруг Катя, – мне кажется, они рассказывали нам про эти сокровища, чтобы мы меньше к ним приставали. Мы же очень буйные были и всё время у них что-то клянчили. То мишек, то конфет, то гулять. А мама была вся в папе. А папа – весь в своих делах. Вот они и придумывали нам заделье. Но ведь нам это всё нравилось, разве нет?

Это было уже слишком. Марк внутренне встал от злости на дыбы. Да что же это такое!! Сговорились они, что ли? Кира со своими утверждениями, что он был избалованный барчук, требовавший поминутной заботы, который лез везде, и которого надо было беспрерывно унимать и ублажать, и вот теперь, пожалуйста, Катя – с теми же разговорами! Нужды нет, что сестра не показала на него пальцем, он и так отлично помнит, что она как раз была тихой мышкой и следовала исключительно у него в кильватере. Сама Катя никогда, никуда и ни к кому не лезла, её лучшими друзьями были книги, которые она с утра до ночи читала, и набор бус и заколок, которыми она беспрерывно себя украшала, разыгрывая целые спектакли из прочитанного ею.

Катя испуганно смотрела на него.

– Марик, что с тобой? Ты белый, как бумага. Ты хорошо себя чувствуешь?

Вновь спасительная соломинка. Он вцепился в неё, как утопающий в брошенный ему круг.

– Я... да, я очень... мне нехорошо. Живот болит. Поджелудка, наверное. Пойду, лягу.

– Тебе провериться бы... – начала Катя.

Он прервал её.

– Потом, не сегодня. Все ж в загуле. Пойду я, Катюш, таблетки есть. Пройдёт.

Она кивнула.

– Ты только не запускай это всё. Сам понимаешь – не молодеем. Надо уже беречься. Я вот, живой пример.

Она кивнула на свои ноги. Марк тоже посмотрел на них, и встал.

– Пойду, – сказал он с нажимом.

– Иди, – согласилась она. – С Новым Годом.

Он кивнул, чмокнул её в макушку и вышел.

А она заплакала. И плакала ещё долго.

А потом уснула.

И ей снилось, что она летает. Ходить не может по-прежнему, но теперь ей это не нужно. Она может летать, где хочет, как птица. И у неё красивое белое платье с кружевным поясом, а на шее у неё длинная золотая цепочка. А на ней кулон, и этот кулон – жемчужина. Розовая жемчужина в форме свернувшейся кобры, и от неё струится таинственный бледно-розовый свет, в котором, как снежинки в метель, кружатся золотистые искорки и лунные пылинки.

7. Переговоры. Марк и Лида. 3 января

Конечно, Катерина, говоря, что родители придумали игру, чтобы дети им не докучали, имела в виду не то же самое, о чём говорила Кира. Точнее, Катерина совершенно не то имела в виду. Она хотела успокоить брата, утешить его, чтобы тот не думал, будто в его жизни было что-то важное и огромное, которое он потерял, чтобы он не думал о сокровище, которого он не нашёл, а наоборот, думал бы, будто сокровища и не было никогда. Чтобы он не думал, что это его одного обижали, когда отправляли искать несуществующий клад, а что на самом деле, это просто был такой метод воспитания их обоих. Она говорила о том, что родители уделяли много времени делам и друг другу, чтобы подчеркнуть их достоинства – ответственность, любовь, верность, порядочность и тем самым указать, что такие люди не могли поступать плохо и с ними, детьми. Просто они и впрямь были очень заняты. Но, увы и ах, все её доводы поразительным образом совпадали с недавними укорами и насмешками Киры и словно подтверждали их. И только сильнее, тем самым, били по самому больному для брата Катерины – горькому осознанию того факта, что его никто не любит и никогда не любил, даже его родители. Что он не был нужен тогда, и не нужен никому сейчас. Даже его собственная мать, которая, как

он полагал, боготворила его – в действительности боготворила супруга, а от сына откупалась сказками о несуществующих чудесах. Иными словами, заведомо морочила ему голову и наверняка втайне потешалась над легковерным глупцом, рыскавшим по всем мыслимым и немыслимым углам и закоулкам.

Он был в полной прострации. Он чувствовал себя преданным, подло обманутым. Мало того, что он всю дорогу верил в эту детскую сказку, так он ещё все эти годы – на минуточку, почти двадцать лет! – содержал эту чёртову родительскую квартиру! Катя не участвовала, она с самого начала предлагала её продать, но он упёрся. Сестра сказала «хорошо», и раз в год вносила свою лепту, впрочем, довольно символическую, процентов десять от общегодовой суммы, так, мелочь, жест доброй воли. А Марк платил и за квартиру, и за коммуналку. Платил за телефон, который не работал, а только числился, за свет, который большей частью жгла, разумеется, Лида, когда приходила вытереть пыль и выпить чаю, платил за отопление, которое исправно грело комнаты, доверху набитые старинной мебелью и тряпьем. И платил – внимание! – пусть небольшие, но деньги, Лиде, за то, что она присматривала за квартирой, а также покупал ей регулярно презенты на Новый год – вот как сегодня – и на восьмое марта. И ещё куличи на Пасху, и цветы на день рождения. И теперь выходило, что всё это было – ну вот совершеннейшим образом зря!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.